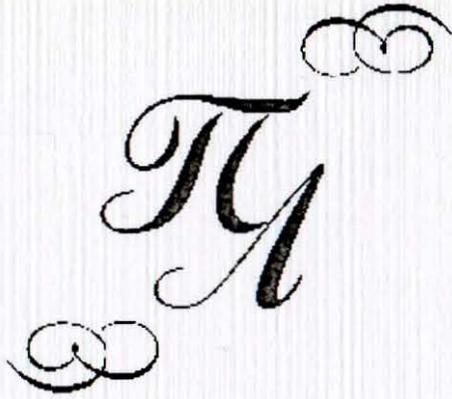

ISSN 2226-2369

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

ТВЕРЬ 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»
Кафедра теории языка и перевода

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов

Выпуск 16

ТВЕРЬ 2016

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5
С48

Рецензент

кафедра иностранных языков Юго-Западного
государственного университета

Редакционная коллегия:

Заслуженный деятель науки РФ, проф. А.А. Залевская (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.О. Золотова, канд. филол. наук, доц. Е.М. Масленникова, д-р филол. наук, доц. С.В. Мкртычян (зам. отв. редактора), д-р филол. наук, проф. Е.Ю. Мягкова, д-р филол. наук, проф. Т.М. Рогожникова, д-р филол. наук, доц. С.А. Чугунова.

С48 Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.– Вып. 16.– 112 с.

Предлагаемый сборник включает статьи по вопросам теории языка и перевода, по результатам научных изысканий в области значения слова и интерпретации текста.

Рассматриваются проблемы делового дискурса, собственного опыта как текста, а также особенности восприятия и идентификации некоторых слов родного языка, семиозис в действии, блендинг как факт креативного мышления человека, особенности используемых в международных проектах экономических терминов, динамики значения некоторых советских прецедентных лексем в постсоветском языковом пространстве, интерференция в поэтическом переводе и т.д.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области психолингвистики, психологии речи, общего языкознания, обучения языкам.

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5

ISSN 2226-2369

© Авторы статей, 2016
©Тверской государственной
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балашова Ю.А.</i> Различные подходы к проблеме делового дискурса	5
<i>Бородина А.В.</i> Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики	10
<i>Зайцева Е.А., Новикова И.В.</i> Знание слова и владение словом: особенности восприятия и идентификации слов родного языка (на примере существительных «БОТАНИК» и «БЫДЛО»)	18
<i>Залевская А.А.</i> Семиозис в действии	26
<i>Капитанова П.С.</i> Динамика негативных языковых акцентов при описании российско-американского конфликта в русскоязычных и англоязычных СМИ	35
<i>Карцова М.А.</i> Блендинг как факт креативного мышления человека	41
<i>Косарева Н.А.</i> Особенности экономических терминов, используемых в международных проектах	47
<i>Миронова А.Н., Мкртычян С.В.</i> Особенности динамики значения советских прецедентных лексем в постсоветском языковом пространстве	56
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Цифровое слабоумие: миф или реальность?	63
<i>Новикова Е.В.</i> Состав и структура лексико-семантической группы «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» (по лексикографическим и экспериментальным материалам)	74
<i>Оборина М.В.</i> Интерпретация текста в лингвистической подготовке	84
<i>Раченкова Л.В.</i> Языковая интерференция в поэтическом переводе	98
<i>Яковлев А.А.</i> «Символ веры» психолингвиста	105

CONTENTCE

<i>Balashova Ju.A.</i> Different approaches to the problem of business discourse ...	5
<i>Borodina A.V.</i> Personal experience as the text: towards methodological analysis of translator's memoirs	10
<i>Zaitseva E., Novikova I.</i> Word knowledge / word proficiency: noun perception, cognition and evaluation.....	18
<i>Zalevskaya A.A.</i> Semiosis in action.....	26
<i>Kapitanova P.</i> Dynamics of negative language accents' deployment in the description of Russian-American conflict in Russian-speaking and English-speaking mass media.....	35
<i>Kartsova M.A.</i> Blending as a creative-thinking process	41
<i>Kosareva N.</i> Characteristics of economic terms used in international projects.....	47
<i>Mironova A.N., Mktytchian S.V.</i> Features of the semantical dynamics of typical Soviet lexemes in the post-soviet language space	56
<i>Myagkova E.</i>	69
<i>Novikova E.W.</i> The contents and structure of lexical semantic group «PUBLIC CATERING FACILITY» (lexicographic and experimental materials).....	74
<i>Oborina M.V.</i> Interpretative approach in linguistic education: textual basics of education in humanities	84
<i>Rachenkova L.V.</i> Language interference in the poetic translation.....	98
<i>Yakovlev A.A.</i> «Creed» of a psycholinguist.....	105

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Ю.А. Балашова

Тверской государственной университет, Тверь

В данной статье рассматриваются различные подходы к проблеме делового дискурса. Можно проследить, что данный объект трактуется неоднозначно, у многих авторов деловой дискурс предстает перед нами как весьма сложный, многогранный и интересный для изучения объект.

Ключевые слова: деловой дискурс, жанр, лингвистика, институциональный деловой дискурс.

С учётом многогранности исследуемого объекта, можно отметить, что деловой дискурс – это система жанров, используемых в общении специалистов в сфере менеджмента, маркетинга, экономики, торговли, бизнеса и т.д.

Среди проанализированных мной работ следует особенно отметить исследование Г.Г. Буркитбаевой по англоязычному деловому дискурсу [1], в котором деловой дискурс в английском языке рассматривается как сумма взаимосвязанных лингвистических, когнитивных, экстралингвистических и других характеристик, неразрывно связанных с продуцированием, функционированием и восприятием делового дискурса. Данный вопрос рассматривался так же Д.С. Храмченко [7]. В своей работе на тему: «Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса» он также обращается к проблеме английского делового дискурса и ставит перед собой задачи: определить эволюционные тенденции исследуемого дискурса, выявить их роль, проанализировать особенности функционирования операторов функционально-прагматической эволюции в устном и письменном деловом общении, создать концептуальную схему эффективного развития смыслового пространства английского делового дискурса, определить корпус используемых при этом видов языковых средств и т.д.

В своей работе «О типах дискурса» [3] В.И. Карасик указывает, что в деловом дискурсе личностный компонент выражается гораздо меньше, чем в других видах дискурса: например, обычные безличные обороты в последнее время употребляются реже в письменном деловом дискурсе, это касается и монографий на русском языке.

М.А. Шлепкина [9] рассматривает деловой дискурс как институциональное явление и отмечает, что это объект весьма сложный, имеющий ряд институциональных и когнитивно-лингвистических особенностей, которые отличают его от других типов дискурса. «Институциональный деловой дискурс – это процесс творческого следования норме, которая диктуется и познается через сложную “профессиональную” картину мира» [цит. раб.: 44]. Эта картина мира актуализируется через основные понятия деловой культуры, профессионально ориентированные идеи и концепты, нормы институционального и межличностного поведения, определяющие деловую коммуникацию, ценностные ориентиры; схемы, фреймы стандартных ситуаций, формулы; специальные слова-синонимы. Все эти знания присутствуют в текстах профессиональной ориентации на лингвистическом уровне.

Институциональность есть «системообразующий признак» институционального делового дискурса, проявляющийся через набор лингвокогнитивных моделей, образов, стратегий и др., которыми делятся участники какой-либо профессиональной сферы. Институциональный деловой дискурс – одновременно и лингвистическое, и общественное явление. Жизнь институционального делового дискурса зависит от ситуации коммуникации и требований современной бизнес-сферы и профессионального сообщества.

По мнению Т.А. Ширяевой [8], институциональный деловой дискурс – это многоаспектное и многогранное явление и все входящие в его состав элементы имеют своего индивидуального адресата и адресанта, цели и задачи коммуникации, взаимодействие ситуаций, тенденции и стратегии.

Для более комплексного анализа данной проблемы рассмотрим, как в некоторых работах по деловому дискурсу определяются цель, задачи, предмет и объект исследования. Г.Г. Буркитбаева в своей работе по англоязычному деловому дискурсу ставила своей целью «изучение онтологии, интеракции и жанров делового дискурса» [1: 4]. В число исследовательских задач её работы входили: анализ основных понятий в рамках онтологического обоснования делового дискурса, рассмотрение официально–делового стиля и делового дискурса, анализ делового дискурса с точки зрения интеракционной модели коммуникации для включения интеракции как уровня лингвистического описания дискурса, рассмотрение делового дискурса в современной теории жанров. Объектом исследования у Г.Г. Буркитбаевой выступал дискурс во всей сложной совокупности взаимосвязанных признаков, связанных с его факторами, а

предметом – деловой дискурс в его письменной форме. Используемые методы работы: концептуальный анализ как анализ системы взглядов на текст и дискурс, идиографический дискурс-анализ, когнитивные операции инференции, моделирование, приёмы интроспекции, абстрагирования и идеализации и др. Материалом исследования послужили образцы деловых документов.

Возьмем для сравнения работу А.О. Стеблецовой «Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации)» [5]. Объектом исследования в данном случае выступает деловой дискурс в сфере высшего образования, а в качестве предмета исследования обозначены универсальные и национально-специфические характеристики русскоязычного и англоязычного дискурса. Цель – разработка концепции делового дискурса как организационной коммуникации применительно к сфере высшего образования – обусловила конкретные задачи работы, а именно изучить существующие определения делового дискурса; проанализировать понятия, смежные с понятием делового дискурса; сформулировать и обосновать данное понятие; выявить и описать типы делового дискурса; сформулировать универсальные и национально-специфические характеристики организационного дискурсивного стиля в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах применительно к сфере высшего образования. Материалом исследования выступают англоязычные и русскоязычные тексты, связанные с кадровыми вопросами, вопросами трудоустройства и оперативного взаимодействия на работе.

Возьмем также для сравнения работу Д.С. Храмченко [7] «Функционально–прагматическая эволюция английского делового дискурса». Здесь целью является раскрытие тенденции функционально-прагматической эволюции английского делового дискурса, объектом – фрагменты устного и письменного английского делового дискурса, а предметом – дискурсивный механизм функционально-прагматической эволюции, функциональные свойства её операторов, роль дерегламентации и реализации коммуникативной цели, влияние функционально дерегламентирующих языковых приёмов и средств на дискурсивную систему смыслов и её внешнюю среду. Ставятся следующие задачи: определить эволюционные тенденции исследуемого дискурса, выявить их роль, проанализировать особенности функционирования операторов функционально-прагматической эволюции в устном и письменном деловом общении, разработать концептуальную схему эффективного развития

смыслового пространства английского делового дискурса, определить корпус языковых средств и др. Используемые исследовательские методы: функционально-синергический анализ дискурса, систематизация, аналогия, компонентный анализ, индукция и дедукция. Материалом исследования выступают англоязычные тексты деловых периодических изданий, интернет-блоги, бюллетени и т.д.

Приведённые краткие сведения о рассмотренных работах дают основания для общего заключения о наличии разных подходов к проблеме делового дискурса, который может исследоваться с более широкими или более узкими целями, требующими решения весьма различающихся задач. Одно и то же явление, а именно – деловой дискурс – воспринимается по-разному в зависимости от того, как определяются объект и предмет исследования, что, в свою очередь, направляет выбор отвечающих целям исследования методов, приёмов, привлекаемых материалов и т.д. Однако во всех случаях в центре внимания исследователей оказывается текст.

Следует также отметить, что различные аспекты делового дискурса могут затрагиваться в связи с решением вопросов терминологии, характера деловых текстов разных жанров, особенностей языковых явлений разных уровней и т.д. При этом жизнь подсказывает необходимость обращения к актуальным ситуациям функционирования делового дискурса. Например, М.Ф. Гайнаншин [[2] рассматривает лингвосинергетический аспект моделирования метафоры в экономическом дискурсе в кризисной ситуации. Е.Л. Куксова [4] фокусируется на функционально-прагматических и стилевых особенностях делового письма, в то время как А.В. Федорова [6] сопоставляет английскую и русскую терминологические системы банковской сферы.

Рассмотренные работы дают достаточно ясное представление о многогранности проблемы делового дискурса, который может рассматриваться в различных ракурсах.

Список литературы

1. Буркитбаева Г. Г. Деловой дискурс: онтология, интеракция и жанры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Г.Г. Буркитбаева; Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана. Алматы, 2005. 49 с.
2. Гайнаншин М.Ф. Лингвосинергетический аспект моделирования метафоры в экономическом дискурсе в кризисной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.Ф. Гайнаншин; Башкирский государственный университет. Уфа, 2016. 22 с.

3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Куксова Е.Л. Функционально-прагматические и стилевые особенности делового письма (на материале французского и русского языков): 10.02.19 / Е.Л. Куксова: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2015. 22 с.
5. Стеблецова А.О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): автореф. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / А.О. Стеблецова; Тверской государственный университет. Тверь 2015. – 43 с.
6. Федорова А.В. Английская и русская терминологические системы банковской сферы: автореф. дис. ... канд. Филол. наук: 10.02.20 / А.В. Федорова; Тверской государственный университет. Тверь, 2015. 17 с.
7. Храмченко Д.С. Функционально – прагматическая эволюция английского делового дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Д.С. Храмченко; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России: Москва 2014. 55 с.
8. Ширяева Т.А. К вопросу об общей характеристике делового дискурса // Университетские чтения – 2006: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск 2006. С. 41–48.
9. Шлёпкина М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 222–227.

DIFFERENT APPROACHES TO THE PROBLEM OF BUSINESS DISCOURSE

J.A. Balashova

Tver State University, Tver

In this article various approaches to a problem of business discourse are considered. It is possible to find out that this object is treated ambiguously, by many authors the business discourse appears as a very difficult, multifaceted and interesting object for study.

Keywords: *business discourse, genre, linguistics, institutional business discourse.*

Об авторе:

БАЛАШОВА Юлия Андреевна – магистрант факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: balashovakinza@mail.com

СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ КАК ТЕКСТ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ

А.В. Бородина

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждаются некоторые аспекты анализа переводческой мемуаристики на основе изучения собственного опыта переводчиков, представленного в виде текста. Намечаются возможные междисциплинарные подходы к методологии анализа автобиографического текста в интегративном ключе с учётом достижений психолингвистики и использованием методологии социологического исследования.

Ключевые слова: собственный опыт, автобиографический текст, переводческая мемуаристика, психолингвистика, интегративный подход, методология социологического качественного исследования.

Традиция реально существует, пока живы ее носители и возможна передача их культурного опыта следующему поколению.

Но незафиксированный в *текстах* опыт в высшей степени хрупок: уходя из жизни, человек уносит этот опыт с собой.

Р. М. Фрумкина, «Внутри истории»

Переводческая мемуаристика как таковая нечасто становится предметом изучения и/ли теоретико-методологического анализа, к тому же далеко не все переводчики пишут мемуары. Собственный профессиональный опыт переводчиков в письменном виде, как правило, фиксируется и транслируется лишь косвенно – посредством его рефлексивного осмысления и преломления в тех или иных теориях / моделях перевода, излагаемых в соответствующей научной и учебно-методической литературе [1: 22], а также – устно (например, во время специализированных семинаров для (будущих) переводчиков [2: 373–375]). Тем не менее, сами по себе мемуары переводчиков как непосредственное рефлексивное осмысление и вербальная фиксация собственного опыта в контексте и динамике своей истории (профессиональной) жизни могут стать ценным источником информации и полезным ресурсом в обучении переводу и изучении теоретико-методологических проблем, связанных с переводческой деятельностью. Представляется, что методологические рамки для изучения собственного опыта, воплощенного / вербализованного в формате мемуаров, в первую очередь, закладывает психолингвистика.

Немаловажным является тот факт, что любые мемуары – прежде всего, «проекция себя самой, своего жизненного опыта в форму текста» [8: 6], который читатель-исследователь может попытаться понять, изучить, вступить с этим текстом во взаимодействие / диалог [5]. В то же время, если любой текст имплицитно диалогичен, то автобиографический текст в этой логике, по сути дела, диалогичен эксплицитно: в силу своих жанровых особенностей это текст, «непосредственно вовлекающий читателя во внутреннее духовное пространство автора, – это прямой рассказ о себе», в том числе с помощью соответствующих словесных формул обращения к читателю; тем самым, усиливается взаимодействие читателя и автора как слушающего и говорящего, ибо «читатель готов увидеть в авторе “значимого другого”...» [8: 7].

С другой стороны, профессиональные мемуары (включая переводческую мемуаристику как их разновидность) пишутся, в большинстве своем, учеными, высоко и разносторонне образованными людьми, которые стараются не просто рассказать «о времени и о себе», но целенаправленно выделить и рефлексивно осмыслить определенные дискурсивные рамки и тематические блоки, которых они в дальнейшем придерживаются. Так, А.А. Залевская относит текст введения к своему сборнику «Слово. Текст: Избранные труды» к жанру «научной биографии», в связи с чем её «точкой отсчета» становятся «студенческие годы и более широкий социально-политический контекст тех лет, вне которого сложно понять, что именно так или иначе оказывало влияние на выбор специальности, линии поведения и т.д.» [4: 9].

Таким образом, профессиональная мемуаристика изначально не столько дескриптивна, сколько рефлексивна и интроспективна, поскольку «личный опыт ученого замечателен отнюдь не тем, что ученый “больше знает”, а тем, что исследователь изначально настроен на критический взгляд на мир» [8: 7]. В её основе, как правило, лежит решение мемуариста в какой-то момент времени «остановиться, оглянуться и осмыслить: что есть, что было, что будет, чем кончится и чем сердце успокоится» [4: 482]. Р.М. Фрумкина определяет мемуары как «способ осмыслить свои отношения с историческим временем, причем – задним числом» [8: 460]. В силу этого мемуаристика неизбежно субъективна, ибо «автор, заранее отказавший себе в праве пристрастно свидетельствовать о своем времени, напрасно берется за перо» [Фрумкина 2002: 327]. Кроме того, мемуары в высокой степени оценочны, что не всегда должным образом осмысливается и рефлексивируется исследователями: А.А. Залевская неслучайно обращает особое внимание на «учёт аффективного опыта с акцентированием

внимания на том, что человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определённого эмоционально-оценочного отношения к этому опыту» [4: 487]. Тем самым возникает закономерный вопрос о степени научной значимости таких текстов – субъективных и оценочных по своей природе, ведь «попытка объяснить другому, почему свою жизнь мемуарист видит именно в этих, а не в иных координатах едва ли может быть убедительной» [8: 326]. В этой связи думается, что одним из перспективных подходов к изучению переводческой мемуаристики может стать совмещение концептуальных рамок психолингвистики с методологией, разработанной в рамках социологического качественного исследования. Качественные методы в социологии изначально ставили во главу угла анализ единичного / индивидуального опыта (при всей его субъективности и аффективности) с дальнейшей проекцией на общие тенденции. Среди этих методов – изучение случая (case study), глубинное биографическое интервью и так называемая обоснованная теория (grounded theory). Достаточно полный обзор теоретических предпосылок и практического применения качественной методологии в социологических исследованиях представлен в [9].

Подобная синергетическая комбинация психолингвистики и качественной социологии представляется вполне уместной по нескольким причинам. Во-первых, основания для использования «заимствованного» методологического инструментария при анализе языкового материала даёт именно психолингвистика, ибо первопроходцами за пределы территории лингвистической науки и методологии, в то же время не порывая с самой лингвистикой, а, скорее, наоборот – укрепляя, развивая и расширяя её проблемное поле, во многом стали психолингвисты [7: 84]. А.А. Залевская указывает на то, что «большое значение в российской психолингвистике традиционно придается фундаментальным теоретическим проблемам *онтологии, методологии, выбора методов исследования*» [5: 553]. В той же логике Р.М. Фрумкина отмечает, что «психолингвистика выдвигает методологические задачи, которые лингвистика сама перед собой едва ли решилась бы поставить» [6: 13]. В рамках решения этих методологических задач психолингвистика осуществляет «систематические выходы на “чужую территорию”», задавая её вектор направленности: «от замкнутости наук – к их взаимодействию, от одноаспектности наук – к комплексности» [6: 7]. Кроме того, в силу своей междисциплинарной специфики психолингвистика изначально была подготовлена к взаимодействию с другими науками и в то же время «провоцировала исследователя на систематическую рефлексию о структуре используемых им понятий и о

сути методов» [7: 81], тогда как в самой «современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии, а внутринаучная рефлексия развита недостаточно» [7: 75]. В этой связи неудивительно и логично, что интегративный «комплексный подход к слову и тексту, учитывающий неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» был предложен психолингвистом – А.А. Залевской [3; 4: 488].

Во-вторых, многие психолингвисты периодически опираются на труды социологов – в том числе на Роберта Мертон. Так, например, Р.М. Фрумкина вводит понятие «частной эпистемологии», которую соотносит с мертоновскими «теориями среднего уровня»: «мне пришлось в свое время ввести этот термин как рабочий эквивалент построения, которое известный американский социолог Р. Мертон называл “теория среднего уровня”» [8: 185]. Подобные теории, «с одной стороны, опираются на определенные общепhilosophические принципы, а с другой – выработаны именно для данной отрасли знания и учитывают её специфику» [7: 79]. Кроме того, упомянутый выше интегративный подход, предложенный А.А. Залевской, предполагает «осознание необходимости объединения усилий представителей различных наук о человеке», к которым, в том числе, относятся и социологи [4: 487–488].

В-третьих, специфика профессиональных мемуаров (в том числе переводческой мемуаристики) в целом позволяет (хотя и с некоторыми оговорками) рассматривать их как некие социологические тексты – транскрипты «истории жизни» и/ли биографического интервью. Любопытно, что сами социологи – сторонники качественной методологии в рамках междисциплинарных исследований – практически вплотную приблизились к пониманию необходимости использовать (психо)лингвистические методы и приемы при анализе таких текстов, во многом сами того не осознавая. Так, И. Штейнбергом и его коллегами отмечается, что их подход «требует анализа вербальных категорий, используемых респондентами, для того чтобы разбить сложную реальность на части». Из этого подхода вытекает функциональное определение роли языка: «фундаментальная цель языка – сказать нам, что представляется важным, дав этому имя, и тем самым отделить его от других вещей с другими именами», на основании которой выстраиваются классификации, или «естественные типологии»: «после того как эти метки идентифицированы на основе анализа того, что говорят люди, следующий шаг – идентифицировать атрибуты или характеристики, которые отличают одну вещь от другой». Тем самым главной целью качественного

социологического анализа текста интервью становится понимание того, «как люди конструируют мир своего опыта, исходя из того, что они говорят об этом», поскольку «естественные типологии» респондентов отличаются от «научных» тем, что «единицы их концептуализации... должны быть “открыты” с помощью анализа когнитивных процессов у изучаемых людей, а не привнесены извне из инокультурных (и поэтому этноцентрических) классификаций поведения» [9: 264–265]. Этим (психо)лингвистический компонент анализа до поры до времени и ограничился, поскольку в исследовании Штейнберга, Шанина, Ковалева и Левинсона основной акцент делался на опыте не психолингвистов, а историков (впрочем, это предполагали исследовательские задачи данного коллектива авторов) [9: 8–9].

Несмотря на вышеупомянутые нюансы, думается, что методология анализа текста в рамках социологического качественного исследования, основанная, в том числе, на понимании способов и приемов «конструирования людьми мира своего опыта» при помощи «естественных типологий» [9] и тем самым приобретающая психолингвистическое измерение (к плотному изучению и осмыслению которого качественная социология на данный момент в целом пока еще не приступила), может оказаться полезной категорией анализа текстов переводческой мемуаристики. В качестве примера представляется уместным привести автобиографический текст переводчика Лилианны Лунгиной, представленный в книге «Подстрочник» [2]. Выбор обусловлен спецификой указанного текста, который, казалось бы, не является мемуарами в строгом смысле слова: с одной стороны, по своей жанровой принадлежности это «“устная книга”, расшифровка рассказа на телекамеру для одноименного фильма». В то же время данный текст, будучи «телевизионным синхронном» («речью, синхронизированную с картинкой»), максимально приближен к стенограмме (транскрипту) биографического интервью, поскольку, как и в глубинном биографическом интервью, мысли героини-респондента «рождаются сейчас, в момент произнесения, и задают ритм речи, который, завораживая, держит, не отпуская» [2: 5]; кроме того, по словам автора идеи и редактора книги О. Дормана, в этот текст он «внес самую незначительную правку, обычную при публикации стенограмм» [2: 8]. С другой стороны, сама Лилианна Лунгина воспринимает свой текст как автобиографический, ядро которого – типичная для мемуаров дихотомия «я и мир вокруг меня», в то же время стараясь придать своему повествованию некоторую объективность (тем самым увеличивая научную ценность данного текста для последующего изучения):

«... иначе говоря, мой опыт, то, что я переживала, те ситуации, в которые я попадала, тот выбор, который я делала, те отношения, в которые я вступала с людьми, – во всем этом все более осязательно присутствовал мир, который бушевал вокруг меня. Поэтому я подумала, что, рассказывая свою жизнь, рассказываю не о себе, не столько о себе... Потому что мне казалось диким предложение – с чего это я буду вдруг говорить о себе? Я не считаю себя, например, умнее других... и вообще не понимаю, почему должна говорить о себе. Но вот о себе как некоем организме, который вобрал в себя, абсорбировал элементы внешней жизни, сложной, очень противоречивой жизни этого мира вокруг, – может быть, стоит попытаться. Ведь тогда получается опыт той, большой жизни, пропущенной через себя, то есть что-то объективное. И как объективное – может быть, что-то ценное» [2: 16–17].

Таким образом, «естественная типология», намеченная автором-респондентом, позволяет рассмотреть «Подстрочник» как разновидность переводческой мемуаристики. В связи с ограниченным форматом настоящей статьи, при анализе текста «Подстрочника» представляется целесообразным ограничиться «естественной типологией» перевода как профессиональной деятельности автора-респондента, а в рамках этой типологии – двумя важными для Лунгиной темами (топиками), как-то: общение с автором исходного текста и концепция того, что с легкой руки К.И. Чуковского принято называть «искусством перевода».

Общение с автором исходного / переводимого текста. Таким автором для Л. Лунгиной стала Астрид Линдгрэн, написавшая «Карлсона, который живет на крыше», ставшую с помощью Лунгиной-переводчика одной из самых знаменитых и любимых детских книг в СССР. Свою встречу с ней Лунгина описывает как счастливую случайность или «счастливый жребий» («в рабочем плане я вытянула невероятно счастливый жребий»), по значимости приравненный ею к знакомству с будущим мужем [2: 255]. Помимо знакомства с чудесным человеком – Астрид Линдгрэн, «совершенно из своих книг, замечательной, худой, высокой, очень веселой, очень живой и как-то очень непосредственно на всё реагирующей» [2: 256], благодаря своему переводу «Карлсона...» Л. Лунгина также получила возможность интегрироваться в мир художественной интеллигенции и легитимизировать свою деятельность как переводчика в советском обществе, тем самым получая доступ к определенным благам и привилегиям:

«... то, что я смогла перевести четыре её книжки (а каждая состоит из трех отдельных книжек, то есть получается в целом двенадцать), не только было огромной радостью, удовольствием и счастьем работы, но еще сделало меня в этом мире знаменитой, помогло мне жить, разговаривать с жуткими

домоуправами, получить авиабилет, когда его купить нельзя, переезжать потом через таможни, облегчило прочие тяжёлые минуты нашей жизни» [2: 258].

Концепция перевода. Профессиональная переводческая деятельность также описывается автором-респондентом в эмоционально-оценочных категориях «счастья», а также вполне в духе Ф. де Соссюра сравнивается с музыкальным исполнением. Опыт Лунгиной-переводчика позволяет ей провести собственный критический анализ перевода, сопоставимый с переводческими концепциями К.И. Чуковского и Н. Галь, в то же время делая наблюдение психолингвистического характера о влиянии языковой личности переводчика на переводимый им текст:

«Переводить – огромное счастье. Искусство перевода я бы сравнила только с музыкальным исполнением. Это интерпретация. Не берусь говорить, какая лучше, какая хуже, – каждый выбирает, что ему нравится. Но, скажем, я переводила рассказы Бёлля, и есть другие переводы Бёлля – это совершенно разный Бёльль. И я думаю, что судьба Ремарка, о котором у нас писали, что он беллетрист, что он автор второго сорта (а это абсолютная неправда – он писатель первого сорта) – его судьба здесь сложилась так только потому, что его переводили, увы, неудачно. Пошлые переводчики. И любовные сцены, которые он пишет изумительно, на высоком накале чувств, получились пошловатыми. Так как я этих переводчиков знаю лично, то я просто видела их портреты. Человек, когда переводит, расписывается, пишет свой портрет, чувствуется, каков он есть» [2: 259].

Анализ текста «Подстрочника» и его сюжетов, связанных с переводческой деятельностью автора-респондента, показывает, что основная идея всего текста и «ключ» к пониманию собственного опыта Л. Лунгиной – это аффективное осмысление пережитого в категориях счастья / радости и жизнеутверждающей победы добра над злом:

«У нас особый случай, мы счастливым вытянули билет радостной жизни на страшном, мрачном фоне... Жизнь безумна, но все-таки прекрасна. Она безумна, страшна, ужасна, но вместе с тем прекрасна, и я все-таки думаю, что хорошее в ней преобладает над плохим. Над страшным. Я в этом даже уверена. Во всяком случае, мой опыт этому учит» [2: 382].

Итак, специфика переводческой мемуаристики в целом позволяет исследовать эти мемуары с применением методологии социологического качественного исследования и опорой на психолингвистику, способствуя сближению «частных эпистемологий» этих наук в интегративном ключе и повышая качество анализа автобиографических текстов, делая изучение сложных и многогранных междисциплинарных феноменов – таких, как переводческая деятельность и собственный опыт, – более разносторонним, глубоким и плодотворным.

Список литературы

1. Бородина А.В. Проблемы понимания и рефлексии в устном переводе: из опыта работы переводчиком на предприятиях Тверской области // Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании: всероссийская научно-практическая Интернет-конференция и круглый стол: сб. науч. тр. Тверь: ТвГУ, 2016. С.21–30.
2. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 383 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: РГГУ, 2007. 560 с.
6. Фрумкина Р.М. Предисловие // Психолингвистика: сб. ст. / Сост. и общ. ред. А.М. Шахнарович. М.: «Прогресс», 1984. С.5–19.
7. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С.74–117.
8. Фрумкина Р.М. Внутри истории: Эссе, статьи, мемуарные очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 480 с.
9. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. 352 с.

PERSONAL EXPERIENCE AS TEXT: TOWARDS METHODOLOGICAL ANALYSIS OF TRANSLATOR'S MEMOIRS

A.V. Borodina

Tver State University, Tver

The paper attempts to discuss some challenging analytical aspects of translator's memoirs based on the research on translator's personal experience represented as text. The author outlines possible interdisciplinary approaches to the methodology of autobiographical text analysis in the integrative framework using insights of psycholinguistics and methodology of sociological qualitative research.

***Keywords:** personal experience, autobiographical text, translator's memoirs, psycholinguistics, integrative approach, methodology of sociological qualitative research.*

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – магистрант факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: juristka80@mail.ru

ЗНАНИЕ СЛОВА И ВЛАДЕНИЕ СЛОВОМ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВ РОДНОГО ЯЗЫКА (на примере существительных «БОТАНИК» И «БЫДЛО»)

Е.А. Зайцева, И.В. Новикова

Тверской государственной университет, Тверь

Психолингвистическое исследование, рассмотрение конкретных примеров того, как происходит идентификация слова родного языка, предположительно известного носителю языка, а также сопоставление полученных результатов выявления степеней знания слова позволяют вскрыть особенности восприятия и использования слов носителями языка разных возрастов, половой принадлежности и профессионального статуса, приподнять завесу тайны слова в индивидуальном языковом сознании.

Ключевые слова: знание слова / владение словом, психолингвистический эксперимент, шкала знания слов.

Вопрос о минимальном и оптимальном объеме словаря билингва представляет интерес как для теоретиков проблематики усвоения второго языка, так и для преподавателей. Неоднозначность трактовки понятия «владение словом» не позволяет дать единственно верный ответ на этот вопрос. При этом различают *знание языка* и *владение языком* (ср. англ. knowledge и proficiency). Известно, что можно «знать» язык (помнить и осознанно применять много грамматических правил, хранить в памяти заученные списки иностранных слов с их «эквивалентами»), но не быть способным свободно пользоваться этими знаниями в коммуникативных целях вне учебной обстановки. В то же время можно неплохо справляться с коммуникативными задачами в живом общении с носителями языка, имея низкие показатели знаний при формальном тестировании. Таким образом, следует разграничивать понятия знания языка и владения им.

Сегодня ведутся исследования различных аспектов проблемы знания слов изучаемого иностранного языка. Наблюдения показывают, что полное владение словом является редкостью как в условиях билингвизма, так и в родном языке. Психолингвистическая концепция слова предполагает, что «полное» владение словом возможно только для лингвокультурного сообщества в целом, при этом отдельные члены сообщества в разной степени обладают знаниями, лежащими за знанием слова.

В отечественной психолингвистике необходимость разграничения коллективного знания и знания как достояния индивида, а также специфика формирования и функционирования индивидуального знания были подробно рассмотрены А.А. Залевской [5]. Исходя из понимания индивидуального знания как психического феномена, она определяет такое знание как продукт взаимодействия перцептивного, когнитивного и аффективного, вербального и невербального, индивидуального и социального опыта человека. Кроме того, имеет место и переживание знания и отношения к этому знанию, и функционирование знания на разных уровнях осознаваемости.

И.Л. Медведевой [10] удалось показать, что принятый тверскими исследователями подход к слову как достоянию индивида не только отражает углубленное и расширенное понимание сущности языковых явлений, но и созвучен идеям выдающихся русских мыслителей. И.Л. Медведева замечает, что в настоящее время лингводидактика продвигается к осознанию центральной роли слова в процессе овладения вторым языком и признаёт недостаточность трактовки слова как двусторонней языковой единицы для организации эффективного обучения языкам. Таким образом, логика развития психолингвистической концепции слова и потребности лингводидактики обусловили необходимость выработки и последовательного проведения психолингвистического подхода к внутренней форме слова. «Слово образует живое знание благодаря своей внутренней форме, которая отражает процессуальность значения слова и представляет собой особым образом организованную чувственную ткань» [8: 174].

В.П. Зинченко, говоря о живом знании, раскрывает смысл этого понятия с разных сторон, определяя его как соцветие разных знаний: знание до знания (предзнаковые формы знания, мироощущение, неконцептуализируемые образы мира, бессознательные обобщения и умозаключения, бессознательная память-привычка, операциональные и предметные значения, житейские понятия неизвестного нам происхождения и т. п.), т.е. «неявное знание» (М. Полани); знание как таковое (формы знания, существующие в институционализированных образовательных системах, в науке); знание о знании (отрефлексируемые формы знания); незнание; незнание своего незнания; знание о незнании. Знание о незнании содержит нечто большее, чем просто знание. Это отношение к знанию, сознание наличия или отсутствия знания [6].

Представленность слова в сознании в виде декларативного знания не означает возможности усвоения значения слова, минуя стадию

«вживления» слова в ментальный лексикон, при котором слово «переживается» и у него образуются многочисленные связи с другими единицами речевой организации, что обеспечивает успешность его функционирования в процессах познания и общения [8]. Именно благодаря внутренней форме осуществляется связь знака и образа, декларативного знания с процедурным, именно она обогащает содержание слова личностными смыслами и переживаниями [13].

Как уже было упомянуто, неполное владение словом имеет место не только в условиях билингвизма, но и в родном языке. Поразмышлять над разными уровнями владения лексическими единицами помогают наши наблюдения, а также наблюдения других исследователей [7; 9]. В связи с этим поднималась и проблема подбора формата теста для измерения степени освоенности слова [4]. Особое внимание привлекла шкала знания слов М. Веше и С. Парихахт [16]. Хотя эта шкала и имеет некоторые недостатки, которые естественно возникают при попытке свести сложную природу знания слова к единственной шкале, она превосходит на данный момент все другие средства изучения процессов овладения знанием слов. Потому именно её мы выбрали в качестве инструментального средства для проведения нового исследования. В своём исследовании использовали слова, широко употребляемые людьми разного возраста и социального статуса, и уже при подборе материала (а ему предшествовали мини-опросы) проявлялось неполное знание слов, а точнее – существование разных уровней знания слов.

В нашем исследовании принимали участие студенты факультета иностранных языков, экономического факультета и военного университета разных годов обучения. Инструкция включала следующее задание: используя шкалу, присвоить предложенному слову-стимулу категорию и выполнить соответствующее задание. Шкала представлена в таблице.

Таблица

Заявленные категории	Пункты самоотчета и демонстрируемое знание
I	Не помню, чтобы видел это слово раньше
II	Видел это слово раньше, но не знаю, что оно значит
III	Видел слово раньше, и думаю, что оно значит _____ (синоним или перевод)
IV	Я знаю это слово. Оно значит _____ (синоним или перевод)
V	Я могу использовать это слово в предложении _____ (если вы заполнили эту секцию, пожалуйста, заполните также секцию IV)

При анализе материалов проведенного эксперимента мы пользовались системой, разработанной Т.Ю. Сазоновой. Её экспериментальные исследования позволили выделить две основные стратегии идентификации в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию слова-стимула: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегию опоры на ситуацию; эти стратегии реализуются в следующих идентификационных моделях: опознание мотивирующего слова и/или основы стимула, опознание словообразовательной модели стимула, приписывание признака его потенциальному носителю, прямая дефиниция значения стимула, конкретизация стимула через синоним/симиляр, реакция по сходству звукобуквенного комплекса, прагматическое осмысление, реакция координированным членом категории, отказ от реакции [15].

В данной статье мы решили осветить результаты, полученные на слова- стимулы БОТАНИК и БЫДЛО.

В связи с анализом реакций на эти слова-стимулы представляется уместным заметить следующее. В работе [1] проводилось исследование противопоставления между словами, называющими достаточно четко определенные категории (закрытые системы), и единицами, обозначающими некие открытые системы объектов и явлений действительности. На основе анализа экспериментальных данных, полученных рядом авторов, Л.В. Барсук установила прямо пропорциональную зависимость между параметром образности и наличием большого числа неотъемлемо присущих объекту признаков (под образностью понимается способность слова вызывать мысленный образ соответствующего объекта или явления). Слова БОТАНИК и БЫДЛО являются словами с высокой степенью образности, что, по нашему мнению, и послужило причиной того, что реакции на эти стимулы носили разнообразный характер. Рассматривая проблему референтности значения в индивидуальном сознании, Л.В. Барсук [2] отмечает, что по сравнению с референцией значение – феномен несколько более абстрактный. Под референцией традиционно принято понимать отнесённость имени к отдельному объекту в речевой ситуации. То, что присутствует в сознании вне речевой ситуации – это знание значения. Но кроме референции в речи, чтобы коммуникация состоялась, должна существовать, и существует, референция в языковом сознании индивида. Для того, чтобы общаться, человек должен знать значение слова. Но примечателен тот факт, что люди свободно оперируют словами, даже не всегда точно зная их значение, это говорит о наличии в его языковом сознании потенциальной отнесённости

слова к ряду объектов или ситуаций. Предметная отнесенность имени – это наличие в сознании индивида потенциального поля референтов слова, что обусловлено не только знанием языка, но и жизненным опытом, знанием окружающего мира. Предметная отнесённость резко меняется с изменением значения слова; тем не менее справедливо и обратное: изменение предметной отнесенности влечёт за собой изменение смысла слова. Обсуждаемые слова-стимулы, по нашему мнению, ярко демонстрируют подобное изменение.

Слово-стимул БОТАНИК заинтересовало нас как лексическая единица, претерпевающая изменения в значении в настоящее время (степень знания этого слова-стимула – «5» во всех группах испытуемых). Именно по примерам предложений представилось возможным проследить отношение к слову носителей языка. Что касается субъективных дефиниций Ии., чаще всего их приводилось две: *учёный* и *человек, занимающийся учёбой*. Кроме того, в одном из бланков было отмечено изменение порядка представления этих значений (написанное первым значение было отмечено вторым номером). Тогда и сложилось мнение о том, что носители языка расставляют приоритеты в соответствии с личным опытом и актуальностью значения слова, и в большинстве случаев это делается, на наш взгляд, неосознанно. Среди реакций приводились следующие – *заучка, зубрилка, промокашка, человек, который много читает и знает* и даже *полиглот*. Судя по этим дефинициям, Ии. нейтрально, а может и положительно относиться к слову и субъекту, обладающему подразумеваемыми под ним качествами. А предложения *мы с ботаниками не общаемся* или *Иванов – ботаник, ничего ему кроме учёбы не интересно* вскрывают негативное отношение к человеку, которого можно назвать ботаником.

Примечательно, что в двух бланках Ии., принадлежащих к разным группам (курсантов военного университета и студентов экономического факультета), мы обнаружили следующие реакции на слово-стимул БОТАНИК: *человек в очках, с взъерошенными волосами*; в двух случаях вербальное описание сопровождалось рисунками. Это позволило нам выделить свою собственную идентификационную стратегию в добавление к уже выделенным Т.Ю. Сазоновой – стратегию актуализации зрительного образа, презентуемого с помощью рисунка или вербального описания.

По результатам анализа полученных на слово-стимул БОТАНИК данных считаем необходимым отметить следующее. Оказалось, что степень знания Ии. этого слова максимальная. Мы считаем, что поскольку слово приобрело новое значение в последние годы, при этом значение и

появилось благодаря молодому поколению (более того – учащимся), то, принимая во внимание возраст испытуемых, уверены, что факторы возраста и социальной принадлежности сыграли в этом случае главную роль.

Слово-стимул БЫДЛО представило немалый интерес. К примеру, в группе второго курса ФИЯ и МК не было ни одного отказа от реакции, более того, во всех случаях были выбраны категории 3, 4, 5, показывающие, что Ии. достаточно уверены в своем знании этого слова. Категория 3: 1) *моральный урод*; 2) *что-то очень неприятное*; 3) *нехороший человек*; категория 4: *невоспитанный, грубый человек*; категория 5: 1) *аморальный, отвратительный, вызывающий презрение (Не люди, а быдло!)*; 2) *морда, рожа, харя (Он плюнул ему прямо в быдло!)*. Все реакции носят крайне отрицательную эмоциональную окраску. Замечательно, что даже компьютер, подчеркивая наше слово-стимул, привлекает внимание к тому, что это «возможно, бранное слово, его употребление в литературном языке нежелательно». В словаре под ред. Ушакова мы находим следующее значение слова «быдло»: ‘о безвольных людях, покорных насилию’, но оно не отмечено, как бранное. Забавной кажется реакция-цепочка *морда, рожа, харя*. На наш взгляд, некоторую схожесть звучания имеют стимул БЫДЛО и слово «хайло», некоторые значения которого по В.И. Далю ‘горло, рот, зев, пасть’, по словарю С.И. Ожегова [14] – ‘горло, глотка’ и стали основанием для создания цепочки синонимов. Среди реакций на обсуждаемое слово-стимул студентов четвертого курса факультета ИЯ и МК были следующие: *необразованный, грубый человек; работяга; плохой, уродливый, ничтожество* и др. Так же, как и в предыдущей группе, нами замечена негативная окраска реакций. Один И. предположил, что *это слово не несло положительной или отрицательной коннотации раньше, сейчас используется как жаргон*. Осторожность проявил и другой: *это должно быть что-то хорошее, но используется нами для обозначения нехорошего человека*. Среди примеров употребления этого слова в предложениях часто встречался следующий: *Народ – не быдло!* Мы позволили себе предположить, что такое «клише» появились в результате предвыборных кампаний и сопровождающих их различных листовок. Реакция *надло* могла возникнуть на основании сходства звукобуквенного комплекса. В связи с обсуждаемым материалом нам кажется важным отметить наличие эмоциональной нагрузки у всех слов [11;12]. Результаты экспериментального исследования убедительно показали неразрывную связь эмоциональности и оценочности, и, следовательно, наличие положительной, отрицательной и нейтральной

эмоциональной нагрузки слова. Оказалось также, что при сравнении экспериментальных данных с материалами толковых и ассоциативных словарей прослеживается тенденция к подвижности эмоциональной нагрузки слова, её изменению с течением времени и в зависимости от возраста и социальной принадлежности информантов.

Проведение психолингвистического исследования, рассуждение на основе конкретных примеров о том, как происходит идентификация слова родного языка, предположительно известного носителю языка, а также сопоставление полученных результатов выявления степеней знания слова позволяют вскрыть особенности восприятия и использования слов носителями языка разных возрастов, половой принадлежности и профессионального статуса, приподнять завесу тайны слова в индивидуальном языковом сознании.

Список литературы

1. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.
2. Барсук Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.21–55.
3. Зайцева Е.А. Некоторые особенности понимания «агномимов» // Психолингвистические исследования: слово и текст: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 28–35.
4. Зайцева Е.А. Проблема подбора формата теста для измерения степени освоенности слова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып.2. С.49–56.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 136 с.
6. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Ч.1. Живое знание. Самара: Самарский Дом печати, 1998. 213 с.
7. Комарова Ю.В. Экспериментальное исследование стратегий идентификации низкочастотных слов родного языка // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С.64–70.
8. Медведева И.Л. К какому типу знаний относится знание слов? // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.99–112.
9. Медведева И.Л. Психолингвистический подход к внутренней форме слова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: Материалы конференции. Уфа, 2004. С.209–212.

10. Медведева И.Л. Функционирование иноязычной лексики в свете психолингвистической концепции слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь, 1999. С.132–174.
11. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 110 с.
12. Мягкова Е.Ю. Эмоциональность слова в индивидуальном лексиконе // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.56–74.
13. Новикова И.В. Внутренняя форма слова как объект исследования // Вестник Костромского государственного университета. 2010. № 3. Том 16. Раздел «Лингвистика». С. 171–175.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
15. Сазонова Т.Ю. Стратегии и опоры при идентификации слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.102–132.
16. Paribakht T. & Wesche M. The relationship between reading comprehension and second language development in a comprehension-based ESL program // TESL Canada Journal. 1993. Vol. 11. Pp.9–29.

WORD KNOWLEDGE / WORD PROFICIENCY: NOUN PERCEPTION, COGNITION AND EVALUATION

E. Zaitseva, I. Novikova
Tver State University, Tver

The question of what it means to know a word has fascinated many psychologists, sometimes with consequences of considerable practical value to the science. Word knowledge has provided fertile ground for psycholinguistic and psychological studies; the reason may be that it raises fundamental questions. Knowing a word is generally considered to be a matter of knowing the word's meaning. But it seems obvious to us that words are interrelated in diverse and complex ways.

Key words: *word knowledge/ word proficiency, vocabulary knowledge scale, psycholinguistic research.*

Об авторах:

ЗАЙЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e_zaitseva@mail.ru

НОВИКОВА Инна Вальтеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: iw_novikova@mail.ru

СЕМИОЗИС В ДЕЙСТВИИ¹

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Публикуется полный текст доклада, прочитанного в 2006 году и фактически подготовивший возвращение к проблеме семиозиса в настоящее время (см. серию статей: [1–3]).

Ключевые слова: семиозис, естественный семиозис, достаточный семиозис.

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, принято (вслед за Чарльзом. Моррисом) называть *семиозисом*. Логико-рациональное осмысление универсальной сути семиозиса привело к разрыву между теоретическими моделями и тем, что в реальных обстоятельствах успешно обеспечивает процессы означивания у пользующегося языком человека. Моррис в свое время справедливо отметил, что «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта». Причина этого вполне понятна, поскольку, по словам того же Морриса, общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака. И хотя далее сам Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса, повсеместно акцент был сделан на теоретизировании в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне согласуется с указанием Умберто Эко на то, что семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова). Более того, вслед за Чарльзом Сандерсом Пирсом, исследователи поместили в фокус внимания логический аспект теории знака, и предложенная Пирсом весьма продуктивная идея семиозиса как перевода не получила выхода за пределы системы знаков. Как подчёркивает в этой связи Умберто Эко, «... *интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует

---

¹ См. тезисы доклада: Залевская А.А. Семиозис в действии // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: ХУ международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.). Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»). С.112–113. Полный текст доклада публикуется впервые (в редакции 2006-го года),

знак... Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора». Однако на деле в опирающихся на работы Морриса и Пирса исследованиях обычно имеет место подмена названных понятий (а именно – интерпретанты и интерпретатора), что в значительной мере обусловлено широко известным «семантическим треугольником» Огдена и Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как прямо отображающая процесс означивания у индивида, хотя сами авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты.

В последние годы предпринимаются попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д., что можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же – в конечном итоге – «переводится» словесный знак? При этом происходит неизбежный выход за пределы семиотики, поскольку в центре внимания оказывается то, что лежит **за словом** у пользующегося им человека, обеспечивая успешность процессов означивания.

К числу примеров такого поиска путей перехода от «чистой» теории к реальным процессам семиозиса можно отнести детальный разбор особенностей перцептивного семиозиса и договорного семиозиса, или семиозиса по контракту, в книге Умберто Эко «Кант и утконос», изданной в 1999 году, трактовку достаточного семиозиса в работах Хорста Рутрофа (1998, 2000 гг.), инференциальную теорию знака, разрабатываемую Патрицией Виоли (2001 г.).

На этом фоне представляется несомненной актуальность исследования специфики того, что я предлагаю называть СПОНТАННЫМ, или ЕСТЕСТВЕННЫМ, семиозисом, имеющим место в любой момент нашей речемыслительной и коммуникативной деятельности. Вполне очевидно, что *с этих позиций* знак в принципе не может ничего значить в отсутствие интерпретатора. Обратим особое внимание на то, что в таком случае в фокусе внимания оказываются потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного. Иначе говоря, речь идет о процессах означивания и идентификации и об используемых при этом стратегиях и опорах, без которых знак как таковой для индивида существовать не может.

При этом важно разграничить первичное означивание при овладении знаком и вторичное означивание при дальнейшем пользовании им, а также признать, что процессы именования и идентификации *не* являются зеркальными даже для одного и того же

индивида, поскольку они различаются не только по целям и направленности, но – прежде всего – по характеру лежащего за ними специфического *внутреннего контекста*, направляющего как ход самого процесса, так и принятие решения на его завершающем этапе. Более того, и процесс именованного «для себя» в значительной мере отличается от процесса именованного «для других», поскольку в первом случае нам оказывается достаточным лишь намёка на подходящий внутренний контекст, в то время как для второго необходимо использование некоторого принятого социумом знака, способного актуализовать у собеседника в какой-то мере близкий **его** внутренний контекст. Хочу обратить внимание присутствующих на то, что разграничение и объяснение особенностей ситуаций пользования единицей языка «для себя» и «для других» было сделано и обосновано мною в работе «Проблемы организации внутреннего лексикона человека», опубликованной в 1977 году и лишь воспроизведенной в книге «Избранных трудов» в 2005 году. Это уточнение представляется мне необходимым в связи с тем, что в зарубежных статьях появились ссылки на недавнюю публикацию работы Дэна Слобина о «думании для говорения» как весьма перспективном аспекте исследования. Не исключаю, что эта идея будет подхвачена и у нас как пришедшая с Запада, поскольку «нет пророка в своем отечестве». Скорее всего произойдет то же самое, что случилось с предложенной мною в том же 1977 году трактовкой лексикона человека как динамической самоорганизующейся системы и сделанной тогда же попыткой объяснить специфику функционирования слова как единицы лексикона с позиций голографического принципа хранения и считывания информации. В те годы эти идеи не были замечены, а теперь каждый считает необходимым говорить о динамике как само собой разумеющемся принципе функционирования языковых явлений.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что человек как субъект процессов именованного и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия комплекса «начал» – *индивидуального* и *социального*, *чувственного* и *рационального*, при этом и называние, и понимание всегда связаны с *эмоционально-оценочным* переживанием именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учётом того, что такая система является лишь медиатором (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном

личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземлённой практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от традиционных моделей знаковой ситуации и перехода на динамичные по своему характеру модели выбора стратегий и опор, обеспечивающих итоговой «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта при взаимодействии разума с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями. Тем не менее теоретически мы можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, согласно которой *«интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта»*, однако с уточнением, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов (не случайно сам У. Эко приходит к идее «перцептивного семиозиса»).

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы (в первом случае мы *знаем*, что, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем в определённых целях, во втором – нам *нужно установить*, что лежало за именем для кого-то другого), а взаимопонимание всегда возможно только в определённых пределах, ограничиваемых степенью сходства предшествующего опыта (как личного, так и общекультурного). В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале понимания» как континуума: крайние точки («пороги») такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной (см. понятие «достаточного семиозиса» у Хорста Рутрофа). Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (это отображает предложенная мною спиралевидная

модель идентификации слова и понимания текста). Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида.

То, каким образом это может происходить, попытаемся проследить на некоторых примерах.

В качестве первого примера можно взять размещённое в Интернет описание одного эксперимента, в котором современных детей-первоклашек попросили нарисовать картинку по четверостишью Пушкина:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямицик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Я прежде всего хочу выразить мою глубокую признательность Стелле Наумовне Цейтлин за то, что она переслала мне тот интереснейший материал. Для тех, кто с ним не знаком уточню, что из первых двух строк самое сильное впечатление на детей произвели слова *летит* и *взрывая*. Этого оказалось достаточным для того, чтобы представить себе некоторую ситуацию, на основе которой с опорой на выводные знания переживалось, домысливалось и достраивалось замещение того, что лежит за незнакомыми словами *бразды* и *кибитка*. Давайте проследим, как это происходило.

Итак, если что-то *летит*, то уж конечно – по небу! Значит, *кибитка* – это какой-то летательный аппарат. А может он похож на кубик, раз это слово звучит почти как *КУБитка*? Главное, конечно, в том, что этот самый аппарат не просто летит, а ещё и *взрывает!!!* Ну прямо как в фильмах и привычных компьютерных играх! А на кого или на что направлены эти взрывы? Естественно, на разбегающихся живых существ, о которых прямо сказано, что они *пушистые*. Значит, *бразды* это зверюшки какие-то.

Вторая пара строк не менее интересна, но по-другому. Прежде всего детям понятно, что *ям-щик* – это дяденька, который роет ямы. Раз так, у него в руках должна быть лопата. А если он в тулупе и с лопатой, то скорее всего у него большая борода, лохматые волосы, и вообще – бомж какой-то. К тому он же *сидит* на непонятном *облучке*: может на *ободочке*? Или просто попу взрослые так культурно называют – *облучком*, а сидит-то он на земле?

Наверное, все уже представили нарисованные детьми картинки как своеобразные продукты СЕМИОЗИСА В ДЕЙСТВИИ, в значительной мере отличающегося по целому ряду параметров от классической семиотической трактовки семиозиса как замены вербальных интерпретант. Возможно, некоторые из присутствующих попутно вспомнили аналогичные случаи из практики своего собственного общения не только с детьми, но и со взрослыми, в том числе – с коллегами в ходе обсуждения высоко научных проблем. Общеизвестно, что даже при пользовании одними и теми же терминами, которые по определению должны быть однозначными, мы нередко фактически говорим о разных вещах, включая слышимое (или читаемое) в свой собственный внутренний контекст живого знания и переживания, которые не могут быть беспристрастными и опирающимися исключительно на зарегистрированные словарями перечни необходимых и достаточных признаков соответствующих понятий, ныне огульно называемых «концептами».

Возьмем для наглядности ещё несколько примеров из того, что нас окружает в повседневной жизни.

Вопрос: *«Что это у вас тут всё на Дюймовочек?»*

Ответ: *«А мы чехлы на танки не возим!»*

Представили себе эту ситуацию? Где она могла иметь место? Кто её участники? Что лежит в основе реконструкции этой ситуации? Сможет ли иностранец, знающий все входящие в эти высказывания слова и хорошо ориентирующийся в грамматике русского языка, осуществить такую реконструкцию?

А вот несколько «перлов» из репортажей спортивных комментаторов:

- *Из-за радости, что забил гол такому сильному противнику, Барджо повесился на воротах!*
- *Арбитр достал из штанов удаление.*
- *Португальцы идут впереди. Свой зад они просто забросили.*
- *Посмотрите, как великолепно отливает под всадницей конь!!!*

Несмотря на всю двусмысленность и несуразицу, не замечаемую самим говорящим, УСПЕШНЫЙ СЕМИОЗИС вполне достигается. Сейчас нам смешно, а по ходу репортажа едва ли слушатели замечали, что футболист *не повесился на воротах*, а *повис* на них; арбитр достал из штанов *карточку*, соответствующую ситуации удаления, а не что-то другое; и т.д.

Как бы то ни было, все эти и подобные им примеры наглядно демонстрируют вполне очевидный факт: реальный семиозис не ограничивается языком, а лишь опосредуется им.

Таким образом, вполне очевидно, что настало время для разработки психолингвистической теории семиозиса, имеющей большую объяснительную силу за счёт опоры на психолингвистическую же теорию языка как достояния индивида. При этом становится всё более очевидной необходимость уточнения или даже пересмотра ряда традиционно используемых терминов, первоначально использовавшихся в аналитической философии, логике, теоретической лингвистике и нередко без соответствующих комментариев применяемых в психолингвистических работах. Например, в дополнение к разграничению *референции в языке* и *референции в речи* важно сделать ещё один шаг в направлении человека и определить специфику референции в языковом сознании и подсознании. То же самое относится к понятиям идентификации, репрезентации и т.п., поскольку содержание таких понятий окажется весьма различающимся для целей и условий, например, теоретической лингвистики, машинного моделирования интеллектуальных процессов и для рассмотрения ситуации естественного семиозиса.

Ещё раз уточню, что в последнем случае речь идёт прежде всего о выявлении и объяснении механизмов означивания «для себя», т.е. процесса поиска опор для переживания языкового знака как понятого в условиях функционирования языка как «живого знания». Это делает недостаточными традиционные подходы к проблемам семиозиса, обычно останавливающиеся на уровне описываемого словарями значения слова, в то время как в реальных условиях речемыслительной деятельности и общения значение выполняет функцию средства (промежуточного звена, или медиатора), который позволяет «высветить» в индивидуальном образе мира определённый «сегмент», так или иначе «помеченный» в плане эмоционально-оценочных переживаний. Следует особо подчеркнуть, что без обеспечиваемого таким образом выхода человека на единую перцептивно-когнитивно-аффективную информационную базу (при постоянном взаимодействии тела и разума, осознаваемого и неосознаваемого, непосредственно актуального и опосредованного выводными знаниями разных видов) никакое понимание и взаимопонимание вообще состояться не могут.

С позиций развиваемого подхода предлагается рабочая гипотеза, согласно которой в ходе естественного семиозиса идентификация вербальной единицы может реализоваться на разных уровнях внешнего или

внутреннего контекста с использованием различных стратегий и опор, имеющих универсальный характер для человека как представителя вида при некоторых расхождениях в степени актуальности тех или иных стратегий и опор для разных ситуаций речемыслительной деятельности и общения, для условий различающихся языков и культур. Каждый возможный подуровень внешнего или внутреннего контекста может дать основания для актуализации множественных связей (в том числе по линиям выводных знаний, воображения, эмоционально-оценочных переживаний), что таит в себе опасность срабатывания принципа «испорченного телефона» и может вести к тем или иным межличностным или межкультурным расхождениям в продуктах семиозиса.

В качестве теоретической основы исследования выступают: во-первых, концепция ментального лексикона как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы; во-вторых, трактовка слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе индивида; в-третьих, голографическая гипотеза «высвечивания» через посредство слова определённого сегмента индивидуального образа мира во всём богатстве объектов, качеств, связей и отношений вместе с множественными выводными знаниями и эмоционально-оценочными переживаниями, которые учитываются на различных уровнях осознаваемости и в случаях переноса фокуса внимания могут быть выведены на «табло сознания»; в-четвёртых, концепция специфики индивидуального знания в его соотношении с коллективным знанием, получившая обоснование в книге «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» (1992); в-пятых, спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, предложенная мною в 1988 г. и выгодно отличающаяся от статичных, плоскостных моделей своей изначальной динамичностью и объёмностью, учётом взаимодействия внешних и внутренних факторов, сочетанием обращения к прошлому опыту и прогнозирования вероятных путей дальнейшей развёртки внутреннего и/или внешнего контекста в зависимости от состоявшегося уровня идентификации и учёта множественных «горизонтальных» и «вертикальных» связей по линиям разнообразных признаков, признаков признаков, выводных знаний, эмоционально-оценочных переживаний и т.д. Эта модель способна описывать особенности системы, для которой неприемлема жёсткая детерминированность поиска, которая имплицитно моделируется моделями алгоритмического типа.

Развитие мировой науки на рубеже XX–XXI вв. доказало актуальность и обоснованность развиваемого теоретического подхода, который отличается от чисто умозрительного теоретизирования последовательной опорой на результаты многолетних экспериментальных исследований. Задача работы на сегодняшний день – это дальнейшее раскрытие возможностей рассматриваемого подхода, в том числе – его многогранного эвристического потенциала для объяснения механизмов спонтанного семиозиса в условиях функционирования языка как живого знания.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме семиозиса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 / URL: http://iling-ran.ru/main/news/160930_vpl
2. Залевская А.А. Различные подходы к проблеме семиозиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 4. С. 36–42.
3. Залевская А.А. «Достаточный семиозис» при взаимодействии языков и культур //Лингвистика XXI века: традиции и перспективы: материалы всероссийск. науч.-практич. конф., посвящённой 75-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ (Тверь, 25 ноября 2016 г.) (в печати).

SEMIOSIS IN ACTION

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

The article presents a report of 2006 important for returning to semiosis problem in some new publications [1–3].

Key words: *semiosis, natural semiosis, sufficient semiosis.*

Сведения об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

ДИНАМИКА НЕГАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ АКЦЕНТОВ ПРИ ОПИСАНИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО КОНФЛИКТА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

П.С. Капитанова

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена исследованию динамики акцентирующих слов как основополагающего средства создания языковых методов манипуляции сознанием массового читателя в политически ориентированных статьях по теме российско-американского конфликта в англоязычных и русскоязычных СМИ (на материале изданий «Московский комсомолец», «Российская газета», «The Daily Telegraph», «The Washington Post» 2013–2016 гг. по заданной тематике).

Ключевые слова: динамика, медиадискурс, СМИ, стереотип, методы манипуляции сознанием, языковой акцент, акцентирующее слово, Крымский конфликт, Крымская весна, Украинский кризис, Отношения России и США, Санкции ЕС и США против России, Вооружённый конфликт в Сирии.

Манипуляция массовым сознанием служит ключевым элементом так называемой информационной войны, столь распространённой в наше время в сфере внешней политики. Каждое событие, освещаемое в средствах массовой информации, находит отклик в сознании масс, во многом благодаря способу подачи информации источником. Существует множество приёмов манипуляции сознанием читателя, значительная часть которых носит лингвистический характер и, таким образом, в основе своей имеет арсенал различных языковых средств.

Стереотипы и настроения, внушаемые реципиентам разных стран, определяют их отношение к происходящему и друг к другу, формируют определённый социальный и политический климат. Чтобы избежать возможных проблем в обществе внутри страны и за её пределами, вызванных неверной трактовкой информации, нужно, чтобы реципиенты умели отличать истину от навязываемых стереотипов. Следовательно, необходимо уметь разбираться в том, насколько истинна предоставляемая информация и как она трактуется источником, чтобы уменьшить возможность массовых манипуляций посредством СМИ. С помощью анализа медиадискурса ряда статей интересующей тематики можно выяснить, какие языковые акценты и с какой интенсивностью и целью использует манипулятор, а также какие факты не следует брать на веру.

Для подробного изучения механизмов манипуляции в СМИ была

выбрана наиболее актуальная и обширная из существующих тем, затрагивающих внешнюю политику – российско-американский конфликт и сопряжённые с ним темы («Украинский кризис», «Крымская весна», «Отношения России и Украины», «Отношения России и США», «Отношения России и ЕС», «Санкции ЕС и США против России», «Вооружённый конфликт в Сирии»). Материалом исследования послужили 200 статей из двух русскоязычных изданий («Московский комсомолец», «Российская газета») и двух англоязычных изданий («The Daily Telegraph», «The Washington Post»), первая половина из которых датируется 2013–2014 гг., а вторая – 2015–2016 гг., что, в свою очередь, позволило не только тщательно изучить способы создания стереотипов, но и проследить их динамику и выяснить возможные причины их использования.

При работе с теоретической базой и анализе статей по выбранной тематике было решено сосредоточить внимание на изучении акцентирующих слов ввиду того, что они являются базисным средством формирования и передачи стереотипов в СМИ. В ходе анализа на предмет манипулирования сознанием первое, что было замечено как средство, влияющее на восприятие текста, – большое количество слов, относящихся к военно-политической тематике. С их помощью дискурс статей приобретал оттенок враждебности по отношению к тому, что характеризовали эти слова, т.е. определённую идеологическую маркированность. На таком основании эти слова и однокоренные им были выбраны как основные акцентирующие слова в рассматриваемом тематическом поле. В связи с высокой частотой употребления акцентирующих слов с негативной коннотацией границы исследования сузились до изучения отрицательных стереотипов, которые используются при описании страны-соперника.

В результате анализа русскоязычных статей 2013–2014 гг. выяснилось, что наиболее часто употребляемыми акцентирующими словами являются: *агрессивный* (11 случаев употребления); *давление, подавление, давить* (19 случаев); *национализм, националистический* (29 случаев употребления); *преступления, преступный* (12 случаев употребления); *террор, терроризм, террористический* (9 случаев употребления); *угроза* (8 случаев); *фашизм, фашистский* (7 случаев). В 2016 году к ним добавились следующие: *боевик, боевой* (12); *конфликт, конфликтный, конфликтовать* (10); *напряженность, напряженный* (13):

«В условиях радикал-националистического гнёта новой украинской власти многонациональный Крым не смог бы оставаться в том же положении, что и ранее» [«Московский комсомолец» 2014].

«Преследование российских граждан по окончании Крымской весны не закончилось» [«Российская газета» 2014].

Сначала новые статьи подверглись анализу на наличие акцентирующих слов, широко использовавшихся в публикациях прошлых лет, для того, чтобы проследить динамику их употребления, а потом были подсчитаны новые акценты. Таким образом, было установлено, что наиболее популярными и по-прежнему актуальными языковыми акцентами остаются следующие: *агрессия, агрессивный* (13 случаев употребления, на 2 больше, чем в прошлом году); *давление (подавление), давить (подавлять)* (24 случая употребления, на 5 больше, чем в прошлом году); *национализм, националист, националистический* (32 случая употребления, на 3 больше, чем в прошлом году); *преступление, преступный* (14 случаев употребления, на 2 больше, чем в прошлом году); *террор, террористический* (17 случаев употребления, на 8 больше, чем в прошлом году); *угроза, угрожать* (40 случаев употребления, на 31 больше):

«В граничащей с РФ Польше, на фоне недружественной риторики польских властей, открыто называющих Россию возможным противником, отрабатывают агрессию на вымышленных государствах» [«Российская газета» 2016].

«Менендес порекомендовал администрации Белого дома совместно с европейскими партнерами усилить давление на Россию, например, с помощью расширения "списка Магнитского", новых санкций и других "чувствительных" мер влияния» [«Московский комсомолец» 2016].

На основании этих подсчетов можно сделать вывод, что ухудшение политических отношений между странами-соперниками и возобновление вооруженных конфликтов находит соответствующий отклик в СМИ, которые, в свою очередь, усиливают натиск пропаганды на умы населения.

Несколько иная ситуация наблюдается в западной прессе. Употребление акцентирующих слов снижается. В англоязычных текстах 2013–2014 гг. встретились следующие наиболее часто употребляемые акцентирующие слова: *aggression, aggressive* (27 случаев употребления); *incursion* (10 случаев употребления); *invasion* (7 случаев употребления); *occupation, to occupy* (17 случаев употребления); *separatism, separatist* (17 случаев употребления); *seized, to seize* (19 случаев употребления); *takeover* (8 случаев употребления); *threat, threatening, to threaten* (48 случаев употребления). В 2015–2016 гг. к ним добавились слова: *authoritarianism, authoritarian* (15); *force, forcing* (44); *nationalism* (72); *repression, repressive, to repress* (12):

«*Russian incursion is an incredible act of aggression*» [«The Daily Telegraph» 2014].

«*Vladimir Putin, the Russian president, has revealed the moment when he initiated a*

military takeover of Ukraine's Crimean peninsula, weeks before a referendum which the Kremlin offered as endorsement for the annexation» [«The Daily Telegraph» 2014].

Несмотря на то, что общая частота употребления акцентирующих слов в англоязычных статьях выше, чем в русскоязычных, в 1,5 раза, при анализе публикаций 2015–2016 гг. замечено, что использование основных акцентирующих слов идёт на спад. В статьях 2013–2014 гг. наиболее популярными были слова *annexation* (110) и *aggression* (27), в новых статьях они встречаются гораздо реже. Подобная ситуация объясняется тем, что проблема присоединения Крымского полуострова к России постепенно отходит на второй план, но увеличивается число акцентов, связанных с заграничной пропагандой усиления военной мощи России и связанных с этим мнимых последствий.

Общая картина употребления языковых акцентов в англоязычных СМИ 2015–2016 гг. отражена в следующих цифрах: *aggression, aggressive* (20 случаев употребления, на 7 меньше, чем в прошлом году); *annexation, annexed, to annex* (15 случаев употребления, на 95 меньше, чем в прошлом году); *occupation, to occupy* (11 случаев употребления, на 6 меньше, чем в прошлом году); *separatism, separatists* (14 случаев употребления, на 3 меньше, чем в прошлом году); *threat, threatening, to threaten* (22 случая употребления, на 26 меньше, чем ранее):

«Ukraine could also deter further Russian aggression by increasing the costs of Russian military involvement» [«The Washington Post» 2016].

«Should this work, Ukraine's decreased dependency on trade with Russia, and increased capital for arms production, would greatly increase its military power relative to pro-Russian separatists in the Donbas» [«The Washington Post» 2016].

Не обладая эквивалентными ответными средствами, российские СМИ эксплуатируют неологизм политического толка «европейскость», имеющий явно отрицательный оттенок, совместно с термином «русофобия» по отношению к западной политике и пропаганде:

«В последнее время отдельные представители США и блока НАТО очередной раз нагнетают русофобскую истерию в Европе» [«Российская газета 2016].

«Как бы в Тбилиси и Киеве ни рассказывали о своей “европейскости”, для ЕС эти страны остаются частью другого мира» [«Московский комсомолец» 2016].

В проанализированных статьях эти слова встречаются нечасто, но в наиболее свежих из них, что говорит о возможной тенденции дальнейшего смещения акцентов в сторону всеобщей неприязни западного общества к России, и это усугубит отрицательный имидж Запада и также Америки в глазах россиян.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что

западные манипуляторы стремятся настроить свою аудиторию против страны-соперника, характеризуя её посредством целого комплекса языковых акцентов как агрессора и врага. Англоязычные акценты отличаются склонностью к идеологическому маркированию российской внешней политики как националистической и сепаратистской. Это говорит о стремлении западных СМИ вызвать у читателя ассоциацию с погрешностями прошлого страны-соперника. Основными средствами манипуляции при этом являются слова с яркой негативной коннотацией и, зачастую, ссылки на исторические факты разного времени. Целью русскоязычных изданий является пропаганда нетерпимости со стороны стран-противников, т.е. формирование у российских граждан социальной напряжённости и недоверия к западному обществу, а целью англоязычных текстов – создание образа врага и агрессора в лице России, при этом во многих статьях русское население выступает в качестве угнетаемого авторитарной властью. Кроме того, анализ динамики обнаруженных средств манипуляции показал, что обострение конфликта и различные его проявления и последствия также находят отклик в СМИ в виде меняющихся со временем языковых акцентов. Эти изменения отражают направления, в которых осуществляется навязывание стереотипов о стране-противнике.

Практика применения языковых средств манипуляции присуща всем без исключения СМИ, независимо от страны и статуса издания. Характер приёмов и их частотность могут варьироваться и иметь различные основания. Между тем СМИ были и остаются отражением социальных и политических процессов, и исследование медиадискурса способно дать ответы на многие вопросы, которые неминуемо появляются при возникновении конфликтных ситуаций. Этим определяется практическая ценность исследования дискурса СМИ на предмет манипулятивных воздействий. Её результаты могут быть использованы для дальнейших когнитивно-дискурсивных исследований материала на тему нынешнего российско-американского конфликта.

Источники примеров

1. Московский комсомолец. 2013–2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/daily/newspaper/>
2. Российская газета. 2013–2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/>
3. The Daily Telegraph. 2013–2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/>
4. The Washington Post. 2013–2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/>

DYNAMICS OF NEGATIVE LANGUAGE ACCENTS' DEPLOYMENT IN THE DISCRPTION OF RUSSIAN-AMERICAN CONFLICT IN RUSSIAN-SPEAKING AND ENGLISH-SPEAKING MASS MEDIA

Polina Kapitanova
Tver State University, Tver

The article is devoted to the investigation of the accenting words' as a main source of language means manipulating the readers' consciousness in a politically oriented articles on Russian-American conflict in English-speaking and Russian-speaking media (based on "Moskovsky Komsomolets", "Rossiyskaya Gazeta», «The Daily Telegraph» , «The Washington Post» 2013-2016 for a given category).

***Keywords:** dynamics, mass media, media discourse, mass media manipulating means, language accent, Crimean spring, Ukrain crisis, Russian-American conflict, the EU and US sanctions against Russia, the armed conflict in Syria.*

Об авторе:

КАПИТАНОВА Полина Сергеевна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: p.kapitanova2011@yandex.ru

БЛЕНДИНГ КАК ФАКТ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

М.А. Карцова

Тверской государственной университет, Тверь

Феномен блендинга рассматривается с точки зрения его связи с языковой способностью человека. Особое внимание уделяется универсальной когнитивной природе блендинга, позволяющей человеку создавать новые смыслы и «играть» с уже существующими.

Ключевые слова: бленд, блендинг, контаминация, концептуальная интеграция, ментальные пространства.

На современном этапе развития английского языка одним из высокопродуктивных способов образования слов является блендинг (blending), суть которого сводится к соединению двух усечённых или одной усечённой и одной полной основ в одну лексическую единицу [2: 17]. Получившееся новообразование включает в себя лексические значения обоих слов, из которых оно возникло. Появление в современном английском языке таких слов-гибридов, или блендов, как *Bradgelina* (*Brad+Angelina*), *foolosopher* (*fool + philosopher*), *brunch* (*breakfast + lunch*), *pullitician* (*pull + politician*), *smexting* (*smoking+texting*) и многих других объясняется стремлением коммуникантов к краткости и выразительности при сохранении высокого уровня информативности высказывания, приобретающего к тому же юмористический эффект. Блендинг можно рассматривать как процесс формирования нового слова, характерными дискурсивными особенностями которого являются тенденция к компрессии формы и содержания, стремление к экспрессии и созданию скрытых смыслов, языковой игре и др.

Л.Р. Хасанова отмечает, что наблюдая тот бум блендинга, который испытывает в современный период словообразование, можно предположить, что этот механизм стал так активно использоваться только в последнее время. Бленды, используемые в рекламе, привлекают внимание, так как обладают уникальной структурой и семантикой. Однако если обратиться к словотворчеству В. Хлебникова, можно обнаружить целые парадигмы окказионализмов, образованных путём контаминирования различных лексем с каким-либо одним словом, или по аналогии к нему: *чертог: веселог* (< весёлый) и т.п. [6: 8]. Тем не менее, языковая игра,

основанная на блендинге/контаминации, стала чрезвычайно популярной именно в последние десятилетия и активно используется в СМИ и рекламе.

Процесс образования блендов, так же как и природа самого блендинга трактуются в научной литературе по-разному. Это находит отражение в терминах, обозначающих это явление: контаминация, словосращение, вставочное словообразование, стяжение, слияние, телескопия, *blending*, *fusion* и др. Если рассматривать сущность блендинга с точки зрения разных подходов, то можно обнаружить, что в лингвистике предпочтение отдаётся термину «контаминация», которым обозначают явление в языке и речи, связанное с образованием новых слов (словосочетаний, языковых единиц, выражений) путём соединения двух слов, словосочетаний, фразеологических единиц [5]. При этом проблема контаминации оказывается сильно «привязанной» к понятию нормы и ошибки.

Представители когнитивно-коммуникативного подхода для наименования похожих процессов используют термин «блендинг» и ведут рассуждения по поводу природы, механизмов и результатов этого процесса в терминах концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, подразумевая связанность этого феномена с языковой способностью человека. По мнению Ж. Фоконье, концептуальная интеграция является основной ментальной способностью, ведущей к новым значениям, глобальным озарениям, концептуальной компрессии, удобной для памяти, а также манипулированию диффузными в других отношениях значениями. Во многом этот процесс протекает бессознательно [10]. Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая имеет чёткую структуру и осуществляется по определенной схеме в определённом порядке на различных уровнях абстракции, включающая в себя два исходных ментальных пространства (Input Space 1, Input Space 2), общее пространство (Generic Space) и смешанное пространство (Blended Space) (см. рисунок).

В теории концептуальной интеграции между исходными пространствами находится так называемое межпространственное отображение, которое соединяет два (а иногда и более) сходных элемента, и общее пространство, которое содержит в себе элементы, единые для обоих исходных пространств в определённый момент развития концептуальной интеграции и составляют часть бленда [10]. Таким образом, исходные пространства – это независимые друг от друга ментальные пространства (*breakfast&lunch*), соединение которых приводит к формированию нового ментального пространства – смешанного пространства, или бленда (*brunch*). Общее пространство – это ментальное

пространство, отображающее сходные черты или сущности исходных пространств (meals), которые в конечном итоге проецируются в смешанное пространство.

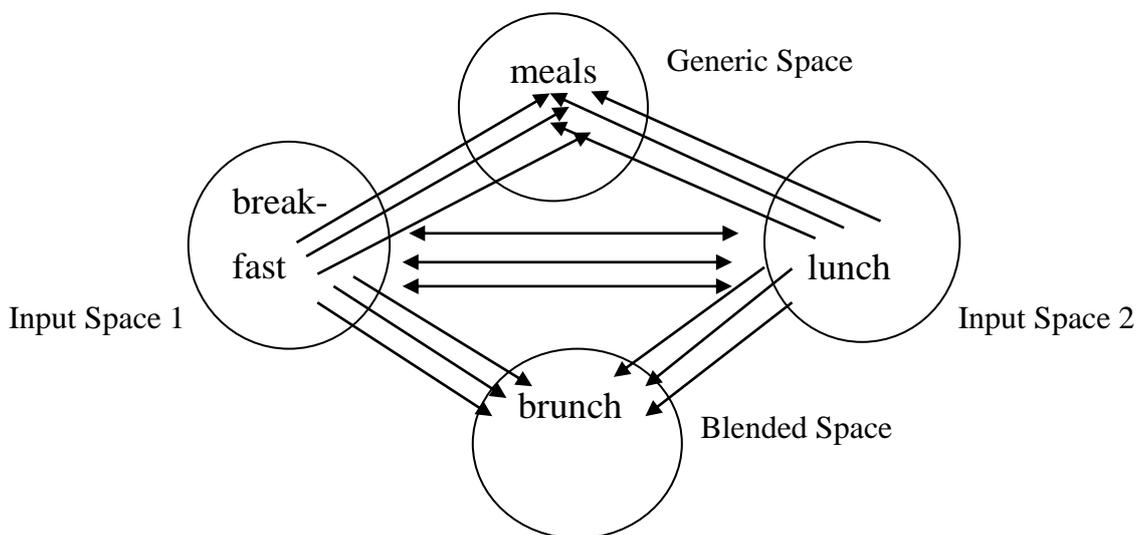

Рис.

С представленной точки зрения, бленды можно рассматривать как ментальные пространства, которые образуются за счёт проекции элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, проекции общего пространства, и непосредственно элементов, характерных для вновь появившегося бленда, выраженных фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

Вопрос о намеренном или ненамеренном (ошибочном) образовании бленда также имеет место при обсуждении его как результата, например, в случае смешения синонимов *scary* и *karaoke* (*scaryoke*). В исследовании [9: 6] показано, что бленды, возникшие в результате ошибок, и бленды, образованные намеренно, такие например, как наименование гибридного фрукта *plumcot* (*plum* + *apricot*) формируются согласно сходным когнитивным механизмам.

Изучение когнитивного аспекта словообразования позволяет понять, как человек выстраивает наивную картину мира, которая реализуется в языке. Слова, рождаемые на наших глазах, отражают «определенное восприятие действительности человеком, социальную и индивидуальную оценку явлений жизни» [3: 201]. Каждое производное слово оказывается некой моделью представления знания о мире как о сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком, в связи с чем словообразовательный акт представляется как своеобразный акт

словотворчества, позволяющий проникнуть в глубины человеческого сознания, в процесс освоения и постижения окружающего мира. Язык – это не только средство коммуникации, но он также предоставляет людям безграничные возможности самовыражения. Даже используя готовые единицы языка, говорящий создаёт нечто новое, поскольку он не механически повторяет заданный образец, а всегда имеет свободу выбора [4: 129].

Опираясь на исследования М. Тафта [11: 747], можно сказать, что морфологически сложным словам соответствуют сложные репрезентации, т.е. в лексиконе находят отражение как отдельные морфемы (такие как *in-*, *believe* и *-able* в составе *unbelievable*), так и смысловые и структурные связи между ними. В соответствии с данными особенностями хранения происходит и понимание сложных слов: в процессе понимания осуществляется доступ к морфемам, составляющим слово, и репрезентация слова формируется из репрезентаций отдельных морфем. С другой стороны, исследования Х.Р. Баайена [8: 74] показали, что морфологически сложные слова хранятся в лексиконе независимо от базовых форм, от которых они были образованы. Доступ к ним может осуществляться непосредственно, без предварительного доступа к морфемам, входящим в их состав. Таким образом, репрезентация сложного слова может осуществляться двумя способами: либо непосредственно, либо через понимание отдельных составляющих. То, какой именно способ будет применен в каждом конкретном случае, зависит, например, от того, известно ли данное слово воспринимающему его субъекту и от частотности слова [8: 86].

Аналогично дело обстоит и с восприятием блендов. С одной стороны, сравнительно высокочастотные, известные всем бленды, такие как *brunch* (*breakfast* + *lunch*) или *Oxbridge* (*Oxford* + *Cambridge*) могут восприниматься как цельнооформленное. Такие бленды настолько давно представлены в языке, что часто связи между значениями слов-источников и бленда начали утрачиваться (так, не каждый носитель английского языка знает, что *smog* – это бленд слов *smoke* и *fog*). С другой стороны, репрезентации новых блендов, ранее не встречавшихся субъекту, необходимо восстанавливать из репрезентаций слов-источников. При этом важно учесть, что в состав бленда входит лишь часть каждого из слов-источников («осколки» морфем [7: 46]). Полная форма слова-источника не всегда может быть восстановлена из части, входящей в бленд. В этом случае соответствующая ментальная репрезентация не будет активирована, и, следовательно, значение бленда не может быть адекватно понято.

Экспрессивность при употреблении блендов подразумевает усиление эмоционального воздействия на собеседника, сопровождаемое часто намерением донести как можно больше информации при минимальной затрате речевых средств. В большей степени это касается следующих видов дискурса: рекламного, политического, разговорного, художественной литературы, спортивного репортажа и др. Экспрессивность выходит на первый план, когда нужно убедить собеседника, обратить его внимание на важные моменты, подчеркнуть, попросить запомнить информацию, таким образом, усилить воздействующую силу высказывания. «Слова ничьи, сами по себе они ничего не оценивают, но они могут обслужить любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих» [1: 455]. Экспрессивность рождается в результате диалога личности с окружающим миром, она не принадлежит самому слову. В этот момент слово больше не является частью грамматики, а становится частью духовного мира человека, выражающего оценку, эмоции, отношение, предрасположенность и др. За возможностью возникновения блендов лежит способность человека создавать новые смыслы и «играть» с уже существующими. В этой связи представляется интересным рассматривать феномен блендинга не только как продуктивный способ словообразования, но и как факт креативного мышления человека, основывающийся на совмещении единиц, которые могут казаться несовместимыми с позиции формальной логики.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. М., 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Дубенец Э. М. Лексикология современного английского языка: лекции и семинары: пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Глосса-Пресс, 2004. 256 с.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. 2-е изд. М. : КомКнига, 2005. 224 с.
4. Корятова О. М. Когнитивное пространство словосращения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т 2008. Вып. 7. С. 124–132.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Хасанова Л. Р. Контаминация в речи и творчестве, или блендинг как универсальная когнитивная способность // Языки в современном мире: докл. Материалы V Междунар. науч. конф., 31 янв. – 3 фев. 2006 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2006. С. 719–724.

7. Хрущева, О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Хрущева; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2011. 227 с.
8. Baayen H. R. Dutch inflection: The rules that prove the exception / H. R. Baayen, R. Schreuder, N. De Jong, A. Krott // Storage and Computation in the Language Faculty / S. Nootboom (Ed.) [and others]. Dordrecht: Kluwer, 2002. Pp. 61–92.
9. Berg T. Linguistic structure and change: An explanation from language processing. Oxford: Oxford University Press, 1998. 336 p.
10. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York: Basic Books, 2001.– 440 p.
11. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect // Quarterly Journal of Experimental Psychology. Sydney : University of New South Wales, 2004. № 57 (A). Pp. 745–765.

BLENDING AS A CREATIVE-THINKING PROCESS

M.A. Kartsova

Tver State University, Tver

Blending is seen from the perspective of its connection with the human language competence. Special attention is given to the nature of blending as a cognitive phenomenon, which allows a person to create new meanings and "play" with already existing ones.

Keywords: blend, blending, contamination, conceptual integration, mental spaces.

Об авторе:

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна – аспирант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: rita.kartsova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТАХ

Н.А. Косарева

Тверской государственной университет, Тверь

Данная статья посвящена проблемам перевода, с которыми приходится сталкиваться переводчику в процессе реализации международного проекта. Международный проект - это часть мировой экономики. Переводчик должен быть знаком с особенностями перевода экономической лексики. Статья рассказывает о лексических несоответствиях английских экономических терминов, расхождениях их грамматических форм и способах перевода безэквивалентной лексики.

***Ключевые слова:** проект, управление проектом, жизненный цикл, экономическая лексика, безэквивалентная лексика, транслитерация, генерализация, транскрипция, описательный перевод, калькирование.*

В результате развития международных контактов на всех уровнях и благодаря их возрастающей интенсивности, переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах. Научно – технический прогресс, охватывающий все новые области жизни, международное сотрудничество в различных областях, и другие важнейшие явления цивилизации приводят к небывалому развитию всякого рода контактов, как между государствами, так и между разноязычными обществами людей.

Переход на международные стандарты бухгалтерской и финансовой отчетности в связи с расширением внешнеэкономической деятельности очень часто приводит к необходимости перевода экономических текстов. Кроме того, для успешного выхода компании на международный рынок часто необходим предварительный анализ различных документов, содержащих результаты маркетинговых, экономических, финансовых, статистических исследований.

В связи с этим, интерес для лингвистов представляет исследование проблем перевода финансовых и экономических текстов, которое невозможно без тщательного изучения развития финансовой, экономической, управленческой терминологии того или иного языка. Это обусловлено тем, что именно они и являются основой экономических текстов, создают и выделяют его среди других. И именно они

представляют наибольшую сложность при работе с рассматриваемым видом текстов.

Одной из важнейших сфер современной экономики и мировых бизнес–процессов является проектная деятельность.

Понятия «проект» и «управление проектами» вошли в нашу жизнь очень давно, однозначного определения этим двум терминам не существует. Принято, что слово «проект» (*project*) происходит от латинского *projacere* – продвигать что-то вперед (*pro* – заранее; *jacere* – продвигать, бросать вперед). Под проектом в российском менеджменте понимается совокупность, комплекс задач и действий, имеющих следующие отличительные признаки: четкие конечные цели, взаимосвязи задач и ресурсов, определенные сроки начала и окончания проекта, известная степень новизны целей и условий реализации, неизбежность различных конфликтных ситуаций вокруг и внутри проекта [1: 220].

Из данного определения следует вывод, что каждый проект обладает следующими основными особенностями:

1. Наличие дат начала и окончания проекта. Эта характеристика отличает проектную от операционной деятельности предприятия.

2. Результат проекта – создание уникального продукта или услуги, что также отличает проектную деятельность от операционной. Так, разработка нового медикаментозного препарата – это проектная деятельность, а его серийный выпуск – это операционная работа. При этом каждый новый проект в прежнем направлении (совершенствование того же препарата) может обладать новой степенью уникальности.

3. Направленность проекта на достижение определенных целей.

В свою очередь «Управление проектом (*project management*) – это управление процессом его реализации. В свою очередь, реализация проекта – это комплекс мер, дел и действий, направленных на достижение целей проекта. Таким образом, управление проектом – это управление комплексом мер, дел и действий, направленных на достижение целей проекта» [2: 12].

Несомненно, так как проект отличается от рутинной деятельности организации тем, что обладает сроками начала и окончания своего существования, следует выделить основные фазы жизненного цикла проекта.

Начальная фаза. На этом этапе выполняются разработка концепции проекта (включая предварительное обследование и определение проекта), сравнительная оценка альтернатив, утверждение концепции. Фаза характеризуется относительно небольшой интенсивностью инвестиций.

Основная фаза. Отличительной особенностью этой фазы является максимальный объем инвестиций, благодаря которому выполняется наибольший объем работ по реализации проекта.

Завершающая фаза. На этой фазе достигаются конечные цели проекта и подводятся итоги.

Фаза гарантийных обязательств. На этой фазе осуществляется эксплуатация результатов проекта. Во время гарантийного периода выявленные недостатки и поломки исправляются за счет предприятия, которое несет ответственность за соответствующие работы.

Очевидно, что каждый проект можно разделить на бесконечное число фаз с абсолютно различными видами работ в зависимости от специфики проекта и практики управления конкретным предприятием.

В современном мире глобализации особенную популярность набирают международные проекты. Они обладают всеми перечисленными выше характеристиками. Отличительной чертой международных проектов является участие в них представителей разных государств, преследующих сходные цели реализации.

Важнейшими благоприятными предпосылками развития международной предпринимательской деятельности являются: разработка и внедрение прогрессивных бизнес – технологий, введение льготного режима налогообложения, внедрение поощряющих таможенных режимов, постоянная забота о привлекательности делового климата. При этом основной предпосылкой является активное участие бизнес – структур в промышленной кооперации и многочисленных ее формах, содействующих международному перемещению активов и их преобразованиям.

Отдельно стоит отметить проблему коммуникаций в рамках управления международными проектами. Современные информационные технологии позволяют наиболее эффективно организовать систему коммуникаций в рамках проектной деятельности. Однако при налаживании системы коммуникаций в рамках международного проекта необходимо учитывать опыт и подготовленность сотрудников к работе с подобными сложными приложениями, которые должны также поддерживать несколько различных языков.

Межкультурная коммуникация в целом играет очень важную роль в процессе становления, реализации и управления международным проектом. Так как любой проект, не только международный, связан с определенными затратами, то для его реализации требуется согласование различной экономической документации: рассчитываются возможные затраты, порог рентабельности и рентабельность проекта в целом, срок его

окупаемости, просчитываются инвестиционные риски, требуемый период финансирования и др. показатели. В условиях международного сотрудничества это становится нелегкой задачей. Вот почему роль переводчика экономического дискурса чрезвычайно высока – он не просто является транслятором сообщения, но и обязан быть знатоком финансово-экономических систем, специфической терминологии.

К важным особенностям экономического текста относятся следующие.

1. Большая насыщенность экономических и финансовых материалов специальной экономической лексикой, основную часть которой составляют экономические термины и терминологические словосочетания.

2. Обилие названий фирм, организаций, объединений, учреждений, а также обилие цифровых данных, формул и схем.

3. Разнообразные средства выражения пассивности по отношению к формальному подлежащему.

4. Обилие сложных слов и слов, построенных по словообразовательной модели с абстрактным значением. Эта черта отражает высокий уровень описываемых сведений, а, следовательно, – их объективность.

5. Наличие разного рода терминологических сокращений, что в свою очередь повышает уровень плотности когнитивной информации.

Отдельные тексты, принадлежащие к данному стилю, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени. Однако у всех таких текстов обнаруживается преимущественное использование языковых средств, характерных данной сфере общения. В области лексики это прежде всего использование экономической терминологии. «Терминами называются слова и словосочетания, обозначающие специфические предметы и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники» [3]. Если задача перевода – обеспечение эквивалентности как «общности содержания текстов оригинала и перевода», то при переводе специальных (финансовых и экономических) текстов терминам следует уделять особое внимание: именно они определяют информационное содержание специального текста, являясь своеобразными ключами, организующими, структурирующими и кодирующими специальную информацию. Следовательно, именно применительно к терминам наиболее остро встает вопрос о возможности достижения эквивалентности при существовании различия кодовых единиц, представляющий, по мнению Романа Якобсона, «кардинальную проблему языка и центральную проблему лингвистики» [6: 16–24].

При переводе английских составных терминов на русский язык часто отмечаются расхождения в **лексическом значении определяющих компонентов**. Вследствие различных традиций номинации основой для формирования составных терминологических единиц в иностранном языке и в языке перевода служат разные ключевые термины. Например: All purchases and sales of financial instruments that require delivery within the time frame established by *accounting convention* (“regular way” purchases and sales) are recorded at trade date, which is the date that the Group commits to deliver a financial instrument. *Accounting convention* (буквально – правило бухгалтерского учета – метод бухгалтерского учета).

Известно, что в английском языке в используемых составных терминах присутствуют ядерные **компоненты, обладающие более широкой семантикой**, чем в русском языке. Например, лексические расхождения неизбежны при передаче значения компонента *item*: термин *non – distributable items* (нераспределяемые статьи) следует переводить как нераспределяемая прибыль, что больше подходит для российской действительности. Или, например, *extraordinary items* (чрезвычайные статьи) - чрезвычайные / внереализационные доходы и расходы, что также будет соответствовать стандартам бухгалтерского учета.

Расхождения в лексическом значении **неядерных компонентов** составных терминов ИЯ и ПЯ (в том числе сопровождающиеся изменением части речи) также объясняются различными традициями номинации понятий в ИЯ и ПЯ:

Book value (буквально: книжная стоимость – стоимость по бухгалтерским книгам) – балансовая стоимость;

Cash in hand (буквально: денежные средства в руке) – денежные средства в кассе;

Equity exposure (буквально: риск изменения стоимости капитала) – фондовый риск.

При сопоставлении лексических значений компонентов большинства приведенных в данном разделе терминов ИЯ и ПЯ наблюдаются расхождения, однако они не препятствуют выражению терминами ИЯ и ПЯ идентичных понятий.

Известно, что английскому языку, в том числе английским экономическим текстам» присущ ряд грамматических особенностей.

Одним из важнейших аспектов является лаконичность в использовании языковых единиц – для английского языка как языка аналитического характерно стремление к отказу от грамматических «излишеств», к экономии грамматических средств» [1: 120].

В качестве примера возьмем предложение: *Statistically and investmentsize the clothing industry is of great importance to the economy. По статистическим показателям и по размерам капиталовложений* промышленность по производству готовой одежды играет важную роль в экономике страны [1: 72–73].

Лаконичность английского языка также выражается в частом употреблении отглагольных прилагательных вместо определительных придаточных предложений.

Грамматические замены часто используются при переводе экономических текстов. При этом могут быть изменены части речи, формы слова, членов предложений и целых конструкций. Русское конкретное существительное в позиции подлежащего может быть заменено английским отглагольным существительным.

Замечу, что ежегодно страна экспортирует 100–150 млн т нефти, что составляет около 20% объема всего добываемого у нас черного золота.

Annual exports amount to 100– 150 million tons or about 20 per cent of total output.

Расхождения в грамматических формах возникают при переводе терминов, состоящих из двух существительных. При этом возможны следующие варианты:

1. Изменение падежной формы определяющего существительного, часто это выражено заменой формы именительного падежа на форму родительного падежа:

Risk figure – показатель риска, *capital market* – рынок капитала, *tax rate* – ставка налога, *purchase price* – цена приобретения;

2. Изменение падежной формы определяющего существительного (общий падеж имени существительного в структуре термина ИЯ – косвенные падежи имени существительного в структуре термина ПЯ) и введение предлога:

Income tax – налог на прибыль, *sales tax* – налог с продаж, *market position* – положение на рынке;

3. Изменение числа (единственное число — множественное число) одновременно с изменением падежной формы (в том числе с введением предлога):

Order inflow – поступление заказов, *share issue* – эмиссия акций, *share turnover* – оборот акций, *share subscription* – подписка на акции, *profit and loss account* – отчет о прибылях и убытках.

Переводческая деятельность направлена на создание эквивалентного текста относительно его источника. Отсутствие в языке термина – эквивалента свидетельствует об отставании в развитии системы понятий данного языка. И тогда мы сталкиваемся с понятием «безэквивалентная лексика». Безэквивалентной называется та лексика, которая представляется совершенно новой для языка перевода и отражает новые для него понятия.

По мнению ведущих современных теоретиков перевода, наиболее распространенными способами передачи безэквивалентных лексических единиц являются транскрипция, транслитерация, калькирование и др. В целом их называют переводческими трансформациями.

Транскрипция – это передача произношения (звуков) безэквивалентной единицы буквами ПЯ. Её целью является установление взаимно-однозначных соответствий между фонемами либо звуками (аллофонами) исходного и принимающего языков». Так, прессе встречаются такие транскрипции: *know-how* – ноу-хау, *impeachment* – импичмент, *outsourcing* – аутсерсинг и др.

Транслитерация — это перевод одной графической системы алфавита в другую (то есть передача букв одной письменности буквами другой).

Калькирование. Прием заключается в способе передачи безэквивалентной лексики ИЯ путем замены ее составных частей (морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний)) их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ.

К примеру, термин *benchmark* означает исходные данные, на которые руководство компании обращает пристальное внимание при формировании какой-либо стратегии (финансовой, производственной, маркетинговой). Термином *benchmarking* обычно выражается процесс выявления главных стратегических показателей и определения целевых значений этих показателей на основе стратегических задач. С помощью калькирования также можно перевести следующие термины: *discontinuity* – прекращение деятельности, *provision* – резерв, *temporary difference* – временные разницы, *unremitted earnings* – нерепатрированные (неоплаченные) доходы, *identifiable assets* – идентифицируемые (осязаемые) активы и т.д

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением: *I heard Sam put Sarah on the phone. Я слышала, как Сэм позвал Сару к телефону.*

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е.

преобразование, обратное конкретизации. *He is known to visit international conferences practically every week-end* – Известно, что он ездит на международные конференции почти каждую неделю. Использование слова с более общим значением избавляет переводчика от необходимости уточнять, субботу или воскресенье имеет в виду автор, говоря о «уик-энде».

Применяется также **описательный перевод** или экспликация, суть которого заключается в использовании развернутых словосочетаний, описывающих наиболее значимые особенности лексической единицы, по существу, при помощи использования ее дефиниции на ПЯ. Рассмотрим некоторые из них: *Redatory competition* – конкуренция, направленная на устранение конкурентов; *Loanratio* – отношение основной суммы кредита к заемной стоимости собственности; *Listed company* – компания, акции которой котируются на бирже и др.

Безэквивалентные лексические единицы представляют собой определенные трудности для переводчика, однако, «постепенно ассимилируясь в языке перевода, многие безэквивалентные реалии становятся со временем регулярным соответствием и перестают создавать проблемы при переводе» [5: 131].

Реализация любого проекта содержит в себе экономическую составляющую, что связано с наличием специфических экономических терминов. Мы выявили с какими трудностями приходится столкнуться переводчику. При переводе, особенно в случае с безэквивалентной лексикой, необходимо обращать внимание на контекст, который способен уточнить используемый термин и облегчить процедуру перевода.

Таким образом, перед переводчиками стоит сложная задача, только зная особенности ИЯ и ПЯ можно добиться адекватного сопоставления терминов, а значит обиться полного понимания между странами - участниками и добиться общей цели международного проекта.

Список литературы

1. Аполлова М.А. Specific English. Прагматические трудности перевода. М.: Междунар. отношения, 1977. 136 с.
2. Заренков В.А. Управление проектами: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во АСВ; Спб.: СПбГАСУ, 2006. 312 с.
3. Казакова Т.А. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Электронный ресурс] URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml
4. Малюк В.И., Немчин А.М. Производственный менеджмент: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 288 с.

5. Мисуно Е.А. Перевод с английского языка на русский язык: практикум: учеб. пособие. Минск: Аверсэв, 2009. 255 с.
6. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978. № 3. С. 16–24. [Электронный ресурс] URL: <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm>

CHARACTERISTICS OF ECONOMIC TERMS USED IN INTERNATIONAL PROJECTS

N. Kosareva

Tver State University, Tver

This article is devoted to the translation problems the translator is faced with in the implementation of an international project. An international project is a part of the global economy. The interpreter must be familiar with the peculiarities of translating economic vocabulary. The article tells about the lexical inconsistencies of the English economic terms, discrepancy of grammatical forms and ways of translating culture-specific vocabulary.

Key words: *project, project management, life cycle, economic vocabulary, culture-specific vocabulary, transcription, generalization, descriptive translation, loan translation.*

Сведения об авторе:

КОСАРЕВА Наталья Александровна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: natashka_promacashca@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЗНАЧЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЛЕКСЕМ В ПОСТСОВЕТСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Н. Миронова, С.В. Мкртычян

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматриваются четыре группы прецедентных лексем, которые можно считать маркерами советского тоталитарного дискурса; предлагаются основания классификации рассматриваемых лексем с опорой на лексикографические источники в зависимости от их этимологии и семантики; приводятся результаты эксперимента, направленного на выяснение политической окрашенности данных лексем в восприятии носителей современного языка.

Ключевые слова: прецедентная лексема, динамика значения, тоталитарный дискурс, политический дискурс, лингвистический эксперимент.

Советский язык, как и языки других тоталитарных государств, в течение долгого времени являлся объектом исследований семантики, лексикологии, лингвопрагматики, лингвориторики, дискурс-анализа и проч. Благодаря лексикографическим и другим источникам современные исследователи имеют возможность составить представление о различных его проявлениях.

Однако сегодня многие исследователи, такие, как Н. А. Купина, Н. С. Разинкина, И. Т. Вепрева и др., полагают, что описание советского языка как отдельной замкнутой системы не столь продуктивно, как попытка проследить его влияние на современный русский язык. Такие статьи, как «О судьбе лексемы советский в постсоветский период» [1] или «Советский конформизм в зеркале языка» [2: 27–32], рассматривают вопрос о динамике значения некоторых прецедентных лексем, как в ядре, так и на периферии, в постсоветском языковом пространстве.

Вопросы, касающиеся динамики значения тех или иных лексических единиц, несомненно, представляют собой огромный интерес, поскольку очень важны для понимания природы такого явления, как тоталитарный дискурс (далее – ТД), и его последствий для языковой системы в целом. Однако сопоставительный анализ лексикографических источников и даже корпуса текстов, содержащих те или иные прецедентные лексемы, является не единственным возможным методом решения этого вопроса. Исследовательские методы экспериментальной психолингвистики, в частности направленный ассоциативный эксперимент с привлечением

носителей современного русского языка (далее – СРЯ), позволяет получить ассоциаты на стимулы, в качестве которых используются прецедентные лексемы, являющиеся непосредственными продуктами советского тоталитарного дискурса. Корпус таких лексем был сформирован в ходе предварительного исследования, материалом для которого послужили как лексикографические источники, так и работы-описания советского языка П. Червинского, Б. Сарнова, Н. Разинкиной и др.

Целью настоящей публикации является обзор динамики значения некоторых прецедентных лексем, имеющих непосредственное отношение к советскому ТД; в основе данного обзора лежит метод лингвистического эксперимента.

В зависимости от этимологии и семантики прецедентных лексем в советском и постсоветском языковом пространстве корпус исследования разделен на 4 группы.

В группу А входят лексемы, существовавшие в русском языке до возникновения тоталитарного режима и изменившие свое значение в ядре или на периферии в зависимости от интересов нового политического строя. Предполагается, что такие лексемы в СРЯ вернулись к своему прежнему значению и не будут рассматриваться носителями языка как отчётливо политически маркированные. Состав группы: *интеллигент, дефицит, лагерь, знатный, закрытый (ресторан, буфет), борьба, союз, коллективный, космополит, активность*

Группу Б составляют лексемы, появившиеся в советском языковом пространстве для обозначения принципиально новых концептов, присущих только советской эпохе. Такие лексемы в СРЯ предположительно архаичны и существуют в лексикографических источниках, но не в языковом сознании носителей; их значение должно быть указано с высокой долей приближенности. Состав группы: *волеизъявление, директива, массы, аморалка*

К группе В принадлежат лексемы, представляющие собой искусственный продукт ТД, придающий уже существующим означаемым определенную оценочную окраску, достигаемую с помощью различных экспрессивных словообразовательных элементов и стратегий. Такие лексемы должны безошибочно восприниматься как оценочно маркированные, напрямую связанные с тоталитаризмом как явлением. Состав группы: *генеральная линия, идейно выдержан, светоч, приспособленчество, антинаучный, говорильня*

Группа Г состоит из лексем, эксплуатируемых последующими политическими дискурсами для своих целей и потому популяризированных

в постсоветском языковом пространстве. Эта группа предположительно будет воспринята как продукт современного политического дискурса, факт наличия у этих лексем политической маркированности не вызывает сомнений. Состав группы: *патриотизм, агитация, коррупция, фашистский*

На предварительном этапе исследования была проведена работа с лексикографическими источниками (а именно Толковым словарём русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и Большим толковым словарём русского языка под ред. С. А. Кузнецова) с целью выявления динамики семантики лексем всех четырех групп. Большое внимание уделялось примерам словоупотреблений в контексте. В ходе данной работы выяснилось, что большая часть изменений в семантике отобранных лексем касалась коннотации, ядро же оставалось неизменным. Для изменения коннотации использовались следующие приемы:

– стихийное словотворчество, в рамках которого эксплуатируется значение тех или иных словообразовательных морфем (например, *приспособленец* или *говорильня* образованы при помощи т. н. «негативно оценочных суффиксов»)

– многократное употребление языковых единиц в определённом навязанном контексте, приводящее к узуальному сужению лексического значения (например, *интеллигент* с помощью контекстуального употребления приобретает негативную коннотацию – «То же, как человек, социальное поведение к-рого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями», а сочетание *безродный космополит* и вовсе приобрело семантическую слитность)

– частотность употреблений, используемая для расширения лексического значения (например, *борьба* и *подвиг* в их расширенном значении, судя по частотности, становятся рутиной советского человека)

– использование языковых метафор (например, значение 3 лексемы *выдержанный* – «В точности следующий каким-н. принципам, последовательный» – намеренное сужение значения 2 «С выдержкой, умеющий владеть собой» [4].

Для обнаружения динамики значения рассматриваемых лексем планируется провести серию экспериментов. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что данные лексикографических источников прошлого века будут отличаться от восприятия прецедентных лексем носителями современного языка. К участию в первом этапе эксперимента были привлечены 55 носителей СРЯ – студенты первого курса факультета ИЯиМК ТвГУ. Им было предложено ознакомиться с корпусом отобранных лексем, распределённых в случайном порядке, и

отметить, является ли указанная лексема политически маркированной. В случае положительного ответа требовалось указать, к какому именно политическому дискурсу она относится. Проект опросника приводится в табл. 1. Результаты первого этапа эксперимента представлены в табл. 2.

Таблица 1. Опросник

Лексема	Имеет ли отношение к какому-либо политическому дискурсу (+/-)	Политический дискурс
---------	---	----------------------

Таблица 2. Результаты первого этапа эксперимента

Группа	Лексема	Маркир. (участников)	Маркир. (%)	Нейтр. (участников)	Нейтр. (%)
Группа А	Борьба	33	70	12	26
	Союз	24	51	14	29
	Космополит	22	47	17	36
	Активность	20	43	17	36
	Коллективный	20	43	19	40
	Дефицит	20	43	20	43
	Лагерь	10	21	26	55
	Интеллигент	10	21	33	70
	Знатный	6	13	30	64
	Закрытый	3	6	41	87
Группа Б	Волеизъявление	31	66	14	29
	Массы	27	57	10	21
	Директива	23	49	15	32
	Аморалка	3	6	34	72
Группа В	Идейно выдержан	20	43	18	38
	Приспособленчество	9	19	27	57
	Генеральная линия	8	17	27	57
	Антинаучный	7	15	32	68
	Говорильня	5	11	31	66
	Светоч	1	2	35	75
Группа Г	Агитация	47	100	0	0
	Коррупция	36	77	4	9
	Фашистский	35	75	10	21
	Патриотизм	32	68	10	21

Результаты эксперимента показали, что, в соответствии с гипотезой, наиболее очевидную для носителей СРЯ политическую маркировку несут лексемы группы Г. Это согласуется с их частотностью употребления и значением в СРЯ, описанном в Большом Толковом словаре (далее – БТС). 30% испытуемых тем или иным способом указали на принадлежность этих лексем современному политическому дискурсу и/или связали с концептуальной базой, которой он оперирует.

Лексемы группы А преимущественно зафиксированы как не носящие политической маркировки, за исключением лексем *борьба* (1. к Бороться. (...) Предвыборная, идеологическая б.» [3]) и *союз* («3. Государственное объединение, состоящее из нескольких государств, земель и т.п., с общей верховной властью. Союз Советских Социалистических Республик» [3]). Предположительно эти семемы были выбраны испытуемыми для анализа, поскольку полученное в рамках эксперимента задание стимулировало к поиску политически ориентированных значений данных ассоциатов.

Что касается группы Б, 87% участников не пытались обозначить дискурс или обозначили его очень приблизительно, исходя из обывательского знания. Лексемы *волеизъявление*, *массы* и *директива* отличаются относительно очевидной маркированностью официально-делового стиля (так называемые советские канцеляризмы), которая всё ещё актуальна на сегодняшний день. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что языковое сознание носителя СРЯ всё ещё проследживает прямую связь между устаревшим советским языком и канцеляризмами как его основным ресурсом; на этом основании показатели политической маркированности лексем этой группы оказались такими высокими.

Основным инструментом приращения коннотации для лексем группы В, как уже было сказано выше, послужила не стилистическая маркировка, а особенности словотворчества, такие, как оценочно маркированные морфемы, языковые метафоры и т. д. Как показали результаты эксперимента, эта стратегия оказалась менее эффективной в долгосрочной перспективе, чем стилистический инструментарий. Всего 6% испытуемых каким-либо образом указали на «советизированность» этих лексем. Показатели их политической маркированности тоже оказались относительно невысокими.

Для наглядности экспериментальные данные сгруппированы и представлены в виде графика на рисунке.

Таким образом, подтвердились следующие предположения:

- лексемы группы Г будут восприняты как продукт современного политического дискурса с исключительно очевидной политической маркированностью;
- большая часть лексем группы А вернулась к своим прежним означаемым и политической маркировки в СРЯ не несёт, за исключением сугубо контекстуальных случаев;
- лексемы группы Б в СРЯ являются архаичными и для его носителей играют роль маркеров определённого функционального стиля.

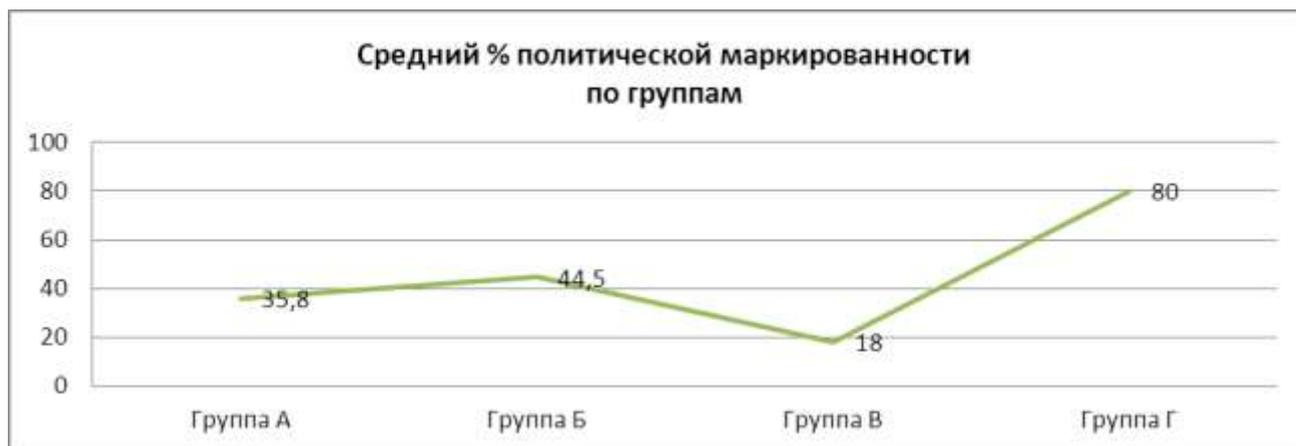

Рис. Средний процент политической маркированности по группам (по результатам эксперимента)

В рамках данной статьи представлен только один этап исследования, которое требует продолжения. В перспективном теоретическом осмыслении нуждается целый ряд вопросов. Например, наиболее эффективный способ передачи оценочной маркированности в долгосрочной перспективе может быть определен с помощью существующих лингвистических и психолингвистических экспериментальных методик. Немалый интерес для изучения представляют собой также стратегии идентификации и восприятия средств передачи оценочной маркированности носителями языка. Одной из задач подобного исследования будет являться также выявление оптимальной стратегии изменения семантики лексемы на различных её уровнях при рассмотрении подобной динамики в диахронической перспективе.

Список литературы

1. Вепрева И.Т. О судьбе лексемы *советский* в постсоветский период: к вопросу об исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1846/1/Part2%202008-02.pdf> (дата обращения 15.08.2016).
2. Купина Н.А. Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 27–32.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 18.09.2016).
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 22.09.2016).

FEATURES OF THE SEMANTICAL DYNAMICS OF TYPICAL SOVIET LEXEMES IN THE POST-SOVIET LANGUAGE SPACE

A.N. Mironova, S.V. Mktytchian

Tver State University, Russia

The article considers four groups of precedent lexemes which can be considered as markers of the soviet totalitarian discourse; a classification scheme based on lexicographic sources is proposed for the lexemes under study, depending on their etymology and semantics; the results of the experiment aimed at clarifying the political marking of the present lexemes in the perception of modern language native speakers are presented.

Key words: *precedent lexeme, semantical dynamics, totalitarian discourse, political discourse, linguistic experiment.*

Сведения об авторах:

МИРОНОВА Анна Николаевна – студентка 3-его курса факультета ИЯ и МК Тверского госуниверситета, направление подготовки «Лингвистика», e-mail: 11anny@mail.ru

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mkrtytchian@mail.ru

ЦИФРОВОЕ СЛАБОУМИЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Е.Ю. Мягкова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

В статье обсуждается понятие цифрового слабоумия (digital dementia), его особенности и причины возникновения, а также проблемы социализации и их связь с обсуждаемым феноменом.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, цифровое слабоумие (digital dementia), экстериоризация, интериоризация, навык, конструктивная деятельность.

В связи с проблемами функциональной неграмотности всё чаще и чаще обсуждаются вопросы, которые можно объединить под общим названием «цифровое слабоумие» (Digital Dementia). Если выразить эту мысль более точно, то вопрос можно поставить следующим образом: как современные технологии влияют на нас и на подрастающее поколение?

Дискуссия по этому поводу концентрируется вокруг двух основных точек зрения. Согласно первой из них, постоянно увеличивающееся количество электронных устройств/гаджетов и их повсеместное вхождение в нашу жизнь наносит человечеству страшный вред: дети не развиваются, взрослые тупеют. Сторонники второй точки зрения, наоборот, утверждают, что компьютеры – это благо и бесконечные возможности для развития.

Например, Сьюзен Гринфилд написала целый ряд статей и книг, посвящённых вопросу о том, как социальные сети влияют на мозг человека, как общение в сети влияет на развитие детей. Она отстаивает теорию, согласно которой современные технологии (в частности, общение в социальных сетях) могут оказывать негативное влияние на развитие взрослых и детей, поскольку изменяют мозг человека. Утверждая, что все органы человека, особенно нервы и мускулы, действуют по принципу: «используй или потеряешь», она уверена, что мы сейчас живем в эпоху изменения сознания, которая может быть приравнена к изменению климата. В своей книге «Изменения мозга: какой след оставляют в нём цифровые технологии?» [17] Гринфилд пишет, что смартфоны и социальные сети уводят пользователей в «двухмерное пространство», иссушивая их память и разрушая мозг, при этом атрофируются социальные

навыки. Когда люди замыкаются в этом пространстве, они становятся аутистами и отказываются от реальной жизни.

Сьюзен Гринфилд указывает на разницу в процессах приобретения знаний: традиционные задания в процессе обучения требовали медленной, продолжительной работы над материалом, преодоления трудностей. Но онлайн всё находится на расстоянии нескольких кликов. Гринфилд утверждает, что в доцифровую эпоху в процессе научения всегда соблюдалась линейная последовательность, которую уничтожили гиперссылки. В интервью журналу *New Scientist* [21] она говорит, что социальные сети и компьютерные игры отличаются от предшествующих им технологий тем, что занимают большую часть нашего времени: раньше телевизор смотрели всей семьёй в определённое время, теперь каждый смотрит его в своей комнате до трёх часов ночи – в одиночестве! Но Гринфилд обращает внимание на то, что критикует она не технологии, а то, как они используются, и масштабы их использования.

Другие исследователи проводят экспериментальные исследования, имеющие целью определить, что же происходит с мозгом на самом деле. В работе [18] приводятся данные о результатах исследований, в которых проверялась гипотеза о том, что Интернет-зависимость связывается со структурными отклонениями в сером веществе мозга. Авторы указывают, что лишь немногие работы посвящены изучению влияния Интернет-зависимости на микроструктурную целостность основных нейронных проводящих путей, и практически никто не связывал микроструктурные изменения с продолжительностью Интернет-зависимости. Результаты упомянутого выше исследования позволяют предположить, что длительная Интернет-зависимость приведёт к структурным изменениям мозга, что, возможно, вызовет хронические расстройства у Интернет-зависимых людей.

Исследование Джоан Ли [20] из университета Альберта в Канаде показало, что обмен быстрыми сообщениями и преимущественное использование Интернет-источников сокращает способность людей к восприятию новых слов и включению их в свой лексикон. Ли показала, что предположение о том, что большой опыт переписки в интернете создает у людей креативный подход к языку и «раскрепощает» письменную речь, неверно. «На самом деле, более гибкое отношение к языку и успешное восприятие нового проявляется у тех, кто читает больше печатных изданий» [там же]; ср.: [6; 11]/

Интерес представляют также исследования использования смартфонов, особенно детьми. В настоящее время именно эти устройства

вызывают всё большее беспокойство в Китае и Корее. Например, результаты исследования [19] подтвердили предрасположенность маленьких детей к формированию зависимости от смартфонов. Эта зависимость связана с проблемами в поведении и приводит к ограничениям в эмоциональном интеллекте. Однако негативные последствия слишком частого использования смартфонов детьми могут быть снижены за счёт внимания к этому вопросу со стороны родителей.

Исследование влияния Интернета и видеоигр на академическую успеваемость, а также роль гендерной, половой принадлежности и финансового положения на это влияние изучалась в [21]. В исследовании принимали участие около 500 подростков в возрасте около 12 лет. Одну треть испытуемых составляли афроамериканцы, две трети – белые американцы. Исследование проводилось в течение двух лет. Результаты показали, что чем больше дети использовали Интернет, тем использование Интернета связано с лучшими навыками чтения, но только у детей с не очень хорошими навыками чтения. Видеоигры ассоциировались с лучшими визуально-пространственными навыками, но также у детей с низкими показателями успеваемости. Гендер, цвет кожи и доход также оказывали влияние на использование Интернета и видеоигр, но они не влияли на взаимосвязи между этими технологиями

Манфред Шпитцер [16], который ввёл в научный обиход термин *Digitate Demenz*, или цифровое слабоумие, поддерживает тех, кто полагает, что слишком частое использование компьютеров наносит вред развитию детского мозга. Имеется в виду использование компьютера не пять минут, а семь и больше часов в день (это, как указывает Шпитцер, среднее время использования компьютера в день в Германии). Мозг постоянно изменяется, и такое его использование приведёт к нехорошим изменениям. Шпитцер подчёркивает, что цифровые средства массовой коммуникации – благо для тех, у кого уже есть образовательная база; тогда они действительно способствуют развитию и приобретению новых знаний. Но они губительны для детей. Более того, лёгкость обращения с цифровыми средствами массовой коммуникации не приучает трудиться, здесь акцент делается на удовольствие.

Л. Стрельникова [14] указывает, что по запросу «digital dementia» (цифровое слабоумие) Google выдаст около 10 миллионов ссылок на английском языке, а на запрос «digital dementia research» – около 5 миллионов), на «цифровое слабоумие» – чуть больше 40 тысяч ссылок на русском. Она считает, что в нашей стране эту проблему пока не осознали, поскольку мы позже присоединились к цифровому миру.

«Систематических и целенаправленных исследований в этой области в России тоже почти что нет. Однако на Западе количество научных публикаций, касающихся влияния цифровых технологий на развитие мозга и здоровье нового поколения, нарастает год от года. Нейробиологи, нейрофизиологи, физиологи мозга, педиатры, психологи и психиатры рассматривают проблему с разных сторон. Так постепенно накапливаются разрозненные результаты исследований, которые должны сложиться в цельную картинку» [там же].

Такие же проблемы рассматривает А. Шперх [15], обсуждая книгу Шпитцера. Он тоже приходит к выводу о том, что плачевные результаты сегодняшних школьников связаны вовсе не с тем, что они всё время читают с экрана компьютера, а с тем, что и как они читают.

Можно было бы привести огромное количество интереснейших исследований на эту тему, но ясно одно: заинтересованные в исправлении ситуации люди связывают возможность решения проблемы с отношениями между людьми, то есть в сфере социализации личности. Уточним, что мы обозначаем этим термином.

В.В. Красных, ссылаясь на А.Н. Леонтьева, пишет: «По мнению психологов, процесс социализации является главным процессом, который характеризует психическое развитие ребёнка, ибо это есть специфический процесс освоения, усвоения и присвоения им достижений предшествующих поколений. Эти достижения в отличие от достижений филогенетического развития животных не фиксируются морфологически и не передаются путём наследственности, человеческие способности формируются в самом этом процессе... чтобы социализироваться и стать полноправным членом общества, необходимо освоить, усвоить и присвоить, т.е. интериоризировать и распродметить, достижения культуры, созданные предшествующими поколениями» [10: 19]. В схеме А.Г. Асмолова [2] в качестве основы для присвоения и воспроизводства общественно-исторического опыта включена социальная конкретно-историческая система общества, образ жизни в данной системе (в том числе в культуре). На этой основе осуществляется процесс совместной деятельности члена общества (ребенка, взрослого) в социальной группе как основа социализации личности (механизм интериоризации), в ходе которого происходит формирование личности, проявление личности как субъекта деятельности (механизм экстериоризации). За этим следует преобразование совместной деятельности социальной группы, ведущее к преобразованию образа жизни в данной социальной системе.

Вряд ли можно предложить единое универсальное определение понятия *социализация*, поскольку этот феномен изучается в рамках разных наук и различных парадигм в рамках каждой из них. Тем не менее, можно выделить некоторые общие черты. Так, в тексте предыдущего абзаца приведены определения, выстроенные в рамках теории деятельности, одним из краеугольных камней которой является *активность* познающего субъекта. Различные определения, предлагаемые зарубежными психологами, как правило, в иной научной парадигме, также подчёркивают активность субъекта социализации, используя термин *learning* (научение).

В процессе социализации человек взаимодействует с окружающим его миром в разных направлениях и на разных уровнях (я – ты – мы – человечество – общество – природа). Когда мы говорим о взаимодействии, то имеем в виду не абстрактного, усреднённого человека, а конкретного ребёнка или взрослого, присваивающего достижения конкретной культуры. Именно поэтому необходимо понимать, что в разном возрасте социализация происходит по-разному, у неё есть свои особенности, свои цели и задачи и свои результаты. Совершенно очевидно, что основные тенденции и навыки социализации формируются на самом первом этапе, в период *дошкольного детства*, начиная с *младенчества*.

Учёные-социологи выделяют две группы людей (агентов), которые влияют на развитие и становление личности в процессе социализации: первичная – знакомые люди, или неформальные агенты (семья, родители, соседи) и вторичная – незнакомые люди (формальные агенты, или институты). Понятно, что эти две сферы влияния на процесс социализации постоянно взаимодействуют, а доля влияния каждой из них варьируется в каждом отдельно взятом случае, хотя в целом, видимо, можно утверждать, что в течение первого периода социализации ведущей является сфера влияния первичных групп, а в дальнейшем большее влияние постепенно приобретают вторичные группы. Но эти две сферы агентов постоянно взаимодействуют, поскольку, например, семья не изолирована от сферы организованного обучения, средств массовой информации и пр. Условно можно выделить третью сферу социализации – окружающий мир. Изменения в среде обитания ведут к изменениям в процессе социализации.

Многие исследователи указывают на то, что в последние десятилетия заметно снизилось количество исследований социализации личности в период дошкольного и школьного детства [13]. Можно добавить, что в настоящее время слишком мало внимания уделяется этому периоду и со стороны «участников» этого процесса: родителей, педагогов и пр., и со стороны исследователей, представляющих различные науки. Нужно

сказать, что в последнее десятилетие появилось множество публикаций, затрагивающих отдельные аспекты социализации в современном мире, например, в журнале *Economist* была опубликована статья под заголовком «Какими вырастут дети, нога которых не касалась земли?». Речь в этой статье шла о детях, «выросших» в автомобиле. Доступность и многообразие товаров и услуг ведут к изменению образа жизни, включая элементарные повседневные действия, что не может не приводить к физиологическим и психологическим изменениям. Например, в период дошкольного детства возникают проблемы с мелкой моторикой. Раньше эта проблема во многом решалась каждодневным завязыванием шнурков и застёгиванием пуговиц, вместо которых теперь мы имеем липучки и молнии. Конечно, в специализированных магазинах продаются «правильные» развивающие игрушки, а некоторые «продвинутые» мамы делают такие игрушки сами, но таких семей не так уж много. Современные игрушки во многом оставляют желать лучшего в плане развития фантазии и формирования навыков мелкой моторики, которая имеет исключительное значение для развития психических процессов.

Кроме того, нельзя не отметить уже на этом этапе нашествие электронных средств коммуникации, что приводит к уменьшению времени, отводимого на совместные игры, чтение, просто общение. Со стороны вторичной социализации определяющими становятся такие факторы, как доступность и многообразие товаров потребления и услуг, изменение образовательной системы, отсутствие целенаправленной языковой политики со стороны государства и пр. Изменение системы образования привело к подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное – не умеющих понимать тексты. Снижение статуса родного языка способствует снижению уровня общей грамотности и к функциональной неграмотности, которая проявляется, в частности, в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечёткой передаче собственных», в результате чего человек становится в той или иной степени неподготовленным «к выполнению возложенных на него функций» [4].

Понятно, почему функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно, ср.: [9]). В этой связи интерес представляют обсуждаемые в [7] результаты исследования уровня функциональной грамотности

выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. В работе делается поразительный и очень важный вывод: «Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием» [там же; выделено авторами]. Вспомним приведённое в начале статьи утверждение об активном субъекте социализации. Придётся признать, что это проблема, требующая безотлагательного решения.

В первую очередь решаться должны проблемы, связанные с обучением чтению, письму и устному счёту (см., например, [3]). Устный счёт развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление, прививает любовь и интерес к математике. Письмо и чтение – базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Как указывает М.М. Безруких [4], это сложнейшие интегративные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление. Она подчёркивает, что обучение тактике письма и технике чтения не имеют самостоятельной ценности, если не приводят к письменной речи, не создают потребность в ней, не дают навыки именно письменной речи. Именно об этом писал Л.С. Выготский, говоря о культурно-историческом смысле обучения ребенка письму и чтению. Л.С. Выготский указывал, что методики обучения (а *принципы* этих методик, очевидно, не изменились до настоящего времени) «не учитывают главное, и вместо письменной речи дают ребенку письменные навыки» [8: 196]. Главным Л.С. Выготский считал культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной речи. Заметим здесь, что Л.С. Выготский подчёркивал отличие собственно письменной речи от техники письма и утверждал, что «чисто механическая способность читать скорее задерживает, чем продвигает вперед культурное развитие ребенка» [цит. раб.: 198].

А.Р. Лурия одним из первых проанализировал психофизиологические механизмы процесса письма. Он отмечал, что «...для того чтобы учащийся мог научиться писать, он должен хорошо различать диктуемые звуки речи и сохранять, удерживать в памяти, их порядок, хорошо усвоить написание букв, не смешивая близкие по начертанию, и выработать твердые двигательные навыки, уверенно чередуя нужные движения» [12].

Так же можно описать и процесс чтения, при котором ребенок должен хорошо воспринимать, различать и дифференцировать все буквенные

знаки, уметь переводить их в звуки, складывать из них слова, понимать и знать смысл слов, правильно выделять грамматическую структуру письменной речи и понимать смысл читаемого текста.

По этому поводу М.М. Безруких [4] указывает на то, что процесс чтения очень сложен, а способность различать и называть буквы (чаще бывает, что помнит ребенок далеко не все буквы) – только один элемент этого процесса. Большое значение для чтения имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности.

В.П. Зинченко указывает, что целостные представления о мышлении могут быть получены только путём выхода «за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конечно, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления. Слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие – образ и слово, а образ – действие и слово. По отношению к ним применим древний принцип: «Всё в одном, одно во всём» [9: 103]. Именно поэтому так важно, чтобы ребёнок научился правильно использовать язык для освоения, усвоения и присвоения знаний. Об этой роли языка пишет Л.Р. Аносова: она указывает, что в результате интериоризации носителем языка присваиваются значения, которые на уровне индивидуального сознания заполняют «синтаксический каркас (рамку)» [1]. Правила семантического синтаксиса «присваиваются индивидуальным сознанием через эталоны речевого мышления и имеют объективную основу. Складывающаяся в сознании идеальная картина мира, определяемая нами, вслед за Э.В. Ильенковым, как «схема» деятельности человека с вещами внешнего мира, представляет собой синтаксический каркас (рамку), в которой помещаются присваиваемые индивидом значения. ... Подобно тому как образ, интериоризуясь, теряет свою модальность, так и эталон [языковой – Е.М.], присваиваясь (вписываясь в семантическую систему), теряет свою конкретность – остается синтаксический каркас и возможность заполнения его конкретными значениями» [цит. раб.: 96]. Этот синтаксический каркас – основная опора для пользования языком.

Процесс чтения на начальном этапе тоже разделяется на отдельные операции, и они не менее сложны, чем в процессе письма. Ребенок должен освоить весь набор письменных знаков (букв), научиться сознательно различать и выделять их, соотносить эти графические знаки с отдельными звуками, усвоить правила воссоздания из графического образца слова его звучащий вариант, потом нужно узнать это слово, понять его смысл. И только научившись выполнять все эти «технические» операции, ребенок

может учиться понимать не только слово, но и текст.

Навык – отработанное до автоматизма действие. Действие, как известно, складывается из операций. Если на каждом этапе формирования навыка действия не отработаны до автоматизма, вырабатывается дефектный навык. Результаты такого «дефектного» формирования навыков мы имеем в наличии сегодня. Именно этим обусловлены трудности, с которыми сталкиваются сегодня не только школьные учителя, но и преподаватели вузов.

Всё сказанное выше позволяет заключить, что так называемое цифровое слабоумие – во многом результат безответственного отношения субъектов социализации друг к другу. Понятно, что на первых этапах социализации главная роль принадлежит ближайшему окружению ребёнка, которое своим поведением и образом жизни должно задавать эталоны для усвоения, освоения и присвоения. Если не стимулируется активная познавательная деятельность ребёнка, предполагающая преодоление трудностей, а вместо этого предлагаются всевозможные удовольствия, в дальнейшем получится функционально неграмотный человек, который вряд ли будет способен успешно решать жизненные задачи. На этапе начальной школы должны формироваться навыки чтения, письма и устного счёта, имеющие важнейшее значение для развития мышления. Используемые сегодня методы оценки знаний и умений не позволяют проконтролировать становление звукобуквенных соотношений и навыка использования опор для извлечения смысла читаемого, поэтому мыслительные процессы не развиваются. Современные школьники и студенты не умеют работать с разными видами информации. Большинство из них «не видит» структуры текста и не может его пересказать. Изменения происходят и на уровне значения слова: всё больше слов становятся «пустышками», они используются «автоматически», но за ними не стоит знание. Наличие многочисленных ошибок свидетельствует о том, что у множества современных носителей русского языка не сформированы глубинные опоры (синтаксический каркас), которые позволили бы им различать формы слов. А. Шперх [15] указывает, что главным местом для учения будет «любое, где [для ученика – Е.М.] появляется возможность конструктивной деятельности. Не пассивное потребление информации, а именно активная конструктивная деятельность, когда он не только использует готовые ресурсы, но и сам активно участвует в их развитии. И ещё активно делится результатом со сверстниками. Последнее очень важно, ибо позволяет не только оценить свой уровень владения мастерством по отношению к другим, но и побывать в роли эксперта,

оценивая чужие работы. Примеряя на себя поочередно роли ученика, мастера и эксперта, ребёнок проходит все стадии обучения».

Список литературы

1. Аносова Л.Р. Эталоны речевого мышления // Вопросы психологии, 1985. №2. С. 96–100.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. 528 с.
3. Баврин И.И. Избранные задачи С.А. Рачинского для умственного счёта. М.: Московский психологосоциальный институт, 2002, 48 с.
4. Безруких М.М. Трудности обучения письму и чтению в начальной школе (лекции). М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009.
5. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] / URL: <http://refdb.ru/look/2054801.html> (дата обращения: 18.09.2015).
6. Беляева Н.В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 18 с.
7. Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д. Функциональная грамотность выпускников школ. Социологические исследования, № 5, 2007. С. 140–144.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
9. Зинченко В.П. Возможны ли целостные представления о мышлении? // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 96–103.
10. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
11. Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.
12. Лурия А. Р. Психологическое содержание процесса письма // Хрестоматия по логопедии (извлечения и тексты): учеб. пособие для студентов высших и средних специальных педагогических учебных заведений: В 2 тт. Т. II / Под ред. Л.С. Волковой и В.И. Селиверстовой [Электронный ресурс] / URL: http://pedlib.ru/Books/2/0031/2_0031-5.shtml#book_page_top (дата обращения: 08.12.2016).
13. Социализация личности в изменяющемся мире. Психология образования в XXI веке: теория и практика. Портал психологических изданий [Электронный ресурс] / URL: http://psyjournals.ru/education21 /issue/54812_full.shtml (дата обращения: 01.12.2016).
14. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие. «Химия и Жизнь», 2014, №12. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.hij.ru/read/issues /2014/december/5210/> (дата обращения 24.11.2016).

15. Шперх Анатолий. Цифровое слабоумие: кто на самом деле глупеет от гаджетов? – [Электронный ресурс] / URL: <https://newtonew.com/discussions/digital-amentia> (дата обращения 24.11.2016).
16. Шпитцер М. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2008. 288 с.
17. Greenfield S. Mind Change: How Digital Technologies are Leaving their Mark on our Brains. NY: Random House, 2015. 349 pp.
18. Kai Yuan, Wei Qin, Guihong Wang, Fang Zeng, Liyan Zhao, Xuejuan Yang, Peng Liu, Jixin Liu, Jinbo Sun, Karen M. von Deneen. Microstructure Abnormalities in Lee Joan Hwechong Adolescents with Internet Addiction Disorder [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475642> (accessed at: 02.12.2016).
19. Kiung-Seu Cho, Jae-Moo Lee. Influence of smartphone addiction proneness of young children on problematic behaviors and emotional intelligence: Mediating self-assessment effects of parents using smartphones. Computers in Human Behavior. Volume 66, January 2017, Pages 303–311 [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475632> (accessed at: 02.12.2016).
20. Lee Joan Hwechong. What does txtng do 2 language? The influences of exposure to messaging and print media on acceptability constraints. Department of linguistics, Calgary, Alberta, 2011 [Electronic resource] / URL: http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/48490/1/2011_Lee_MA (accessed at: 11.10.2016).
21. Jackson Linda A., Alexander von Eye, Edward A. Witt, Yong Zhao, Hiram E. Fitzgerald. A longitudinal study of the effects of Internet use and videogame playing on academic performance and the roles of gender, race and income // Computers in Human Behavior. Volume 27. Issue 1 [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/0747563> (accessed at: 16.11.2016).

DIGITAL DEMENTIA: MYTH OR REALITY?

E.Yu. Myagkova

South-East State University, Kursk

The article discusses the notion of digital dementia, its specifics and causes and also the problems of socialization and its relation to the phenomenon of digital dementia.

Key words: *functional illiteracy, digital dementia, exteriorization, interiorization, skill, constructive activity.*

Сведения об авторе:

МЯГКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета, г. Курск, e-mail: elenamyagkova@mail.ru

СОСТАВ И СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» (по лексикографическим и экспериментальным материалам)

Е.В. Новикова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматриваются структура и состав лексико-семантической группы «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» в русском языке, семный состав входящих в группу лексем с опорой на лексикографические источники; приводятся результаты эксперимента, направленного на выяснение и уточнение состава и структуры рассматриваемой ЛСГ в восприятии носителей современного языка; лексикографические данные сопоставляются с результатом эксперимента.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, ядро и периферия лексико-семантической группы, лингвистический эксперимент, лексикографический источник.

Настоящая публикация посвящена изучению лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ». *Актуальность* предпринятой работы определяется, прежде всего, тем, что лексемы, входящие в ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» являются в языке высоко частотными; специальные исследования, позволяющие уточнить состав и структуру ЛСГ, а также лексическое значение отдельных единиц, входящих в группу практически не проводились. На этом фоне наблюдается тенденция к общему снижению речевой культуры, что приводит к небрежному отношению к слову, нарушению лексических норм, что требует популяризации системного подхода к описанию значения слова. Кроме того, актуальность изучаемой темы обусловлена наличием межкультурных различий и закономерностей изменения лексики в историческом движении, в неразрывной связи с развитием общества, с историей народа.

Объектом исследования является лексико-семантическая группа, связанная в русской языковой картине мира с понятием «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ». *Предмет* исследования – структура и состав интересующей нас ЛСГ и семный состав входящих в группу лексем. *Цель* исследования – 1) на первом этапе выявить и описать структуру и состав ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» и лексическое значение отдельных лексем ЛСГ с опорой на лексикографические источники; 2) на втором этапе уточнить состав и структуру рассматриваемой ЛСГ в восприятии носителей

современного языка на основе экспериментальных данных; 3) сопоставить результаты первого и второго этапов.

Поставленной целью определяются следующие основные *задачи*: 1) систематизировать лингвистическую терминологию описания лексико-семантического пространства языка: лексико-семантическое поле, функционально-семантическое поле, лексико-семантическая группа; 2) на основе лексикографических источников сформировать состав ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ»; 3) выявить структуру ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ»; 4) провести семный анализ ядерных лексем ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ».

В ходе решения поставленных задач использовались следующие *методы исследования*: метод анализа научно-методической литературы с целью изучения накопленного опыта в представленной сфере, обобщения полученной информации при сборе научных данных, анализ словарных дефиниций, метод компонентного анализа (или семный анализ), эксперимент, систематизация и описание полученных результатов. Мы исходим из того, что «для семной семасиологии, опирающейся на интегральную концепцию значения, опора на комплексную методику описания значения особенно необходима, поскольку применение комплекса различных методов и процедур для выявления семантических компонентов разных типов в содержании языковой единицы дает возможность наиболее адекватно и полно представить содержание и структуру значения в единстве ядерных и периферийных компонентов и сформулировать обобщенную дефиницию значения, максимально приближенную к реальному языковому сознанию [5: 3].

Сначала уточним инструментарий исследования.

Лексическая система языка, как показывают многочисленные исследования современных лингвистов, характеризуется взаимосвязанностью составляющих её элементов. Единицы, её составляющие, объединяются в систему на основе тех или иных критериев, которые лежат в основе различных точек зрения по поводу принципов группировки слов и связанную с этим пестроту и пересекаемость терминологии. Как подчеркивает Е.А. Маклакова, возникает множество проблем, связанных с уточнением терминологического инструментария, который нуждается в дополнительном осмыслении, разграничении и систематизации [4: 4], но одно очевидно, что выявляется некоторая общая тенденция разграничения и упорядочения семантических признаков и тех отношений, которые складываются в лексических объединениях, что определяет, в конечном счете, тип группы или класса слов.

Из основных выделяемых исследователями словарных объединений русского языка объектом пристального внимания многих исследователей являются лексико-семантическое поле [3], функционально-семантическое поле [1] и лексико-семантическая группа [2; 7; 6].

При изучении лексико-семантических групп (ЛСГ) появляется возможность исследования не только лексико-семантического аспекта, но и морфологических особенностей, синтаксических отношений единиц ЛСГ. Именно в ЛСГ наиболее ярко проявляются парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения. Немаловажно и то, что в ЛСГ отражаются специфические национальные особенности лексической системы каждого языка.

Первый этап работы связан с определением структуры и состава ЛСГ на основе лексикографических источников.

В качестве материала исследования послужили данные следующих 7 словарей: «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, «Толкового словаря русского языка» Д.Н.Ушакова, «Словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Современного словаря русского языка» Т.Ф. Ефремова, «Словаря современного русского литературного языка» под ред. В.И. Чернышева, «Русского толкового словаря» В.В. Лопатина.

Для анализа из перечисленных словарей были выбраны все лексемы, имеющие две ключевые семы (архисемы) «общественное заведение», имеющее своим назначением предоставление возможности «поесть и/или выпить алкогольные напитки».

В состав группы вошли следующие 46 лексем:

бар, блинная, булочная, бистро, буфет, вагон ресторан, дансинг, духан, забегаловка, закусочная, кабак, кабаре, кафе, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-концерт, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, кафешантан, корчма, кофейня, кухмистерская,пельменная, пивная, пирожковая, пиццерия, пищеблок, пончиковая, поплавок, ресторан, ресторация, рюмочная, сосисочная, столовая, таверна, трактир, трапезная, траттория, харчевня, чайная, чайхана, чебуречная, шалман, шашлычная, шинок.

Выявлена структура ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ»: в словарных статьях всех семи словарей обнаружены следующие три лексемы *ресторан, кабак и бар*. Ядерными считаем две лексемы *ресторан* и *бар*. Лексема *кабак* имеет стилистическую маркировку «историческое» или «пренебрежительное».

К ближней периферии относятся те, которые обнаружены в 4–6 словарях. Обнаружено 10 лексем: *духан, кабаре, кафе, кафешантан, пивная, таверна, трактир, чайная, чайхана, шинок.*

К дальней периферии относим те, которые зафиксированы в 1–3 словарях. Нами извлечены 33 лексемы:

бистро, блинная, булочная, буфет, вагон ресторан, дансинг, забегаловка, закусочная, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-концерт, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, корчма, кофейня, кухмистерская,пельменная, пирожковая, пиццерия, пищеблок, пончиковая, поплавок, ресторация, рюмочная, сосисочная, столовая, трапезная, трактория, харчевня, чебуречная, шалман, шашлычная.

Данные, извлечённые из лексикографических источников, представлены в табл. 1.

Словари современного русского языка дают в разной степени полную информацию: количественно больше информации в словарях С.И. Ожегова (37 лексем), Т.Ф. Ефремова (29 лексем), С.А. Кузнецова (26 лексем) по сравнению с данными словарей Д.Н. Ушакова (10 лексем), В.В. Лопатина (8 лексем), В. И. Чернышева (17 лексем). Подробнее значение каждой лексемы описано в словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова.

Таблица 1. Состав лексико-семантической группы «Заведение питания» (по данным 7 словарей).

Лексемы	Количество словарей	Лексемы	Количество словарей
<i>Бар</i>	7	<i>Шалман</i>	3
<i>Кабак</i>	7	<i>Булочная</i>	2
<i>Ресторан</i>	7	<i>Кафе-концерт</i>	2
<i>Пивная</i>	6	<i>Кафе-ресторан</i>	2
<i>Чайхана</i>	6	<i>Кафетерий</i>	2
<i>Кабаре</i>	5	<i>Кофейня</i>	2
<i>Таверна</i>	5	<i>Кухмистерская</i>	2
<i>Трактир</i>	5	<i>Пиццерия</i>	2
<i>Чайная</i>	5	<i>Поплавок</i>	2
<i>Духан</i>	4	<i>Ресторация</i>	2
<i>Кафе</i>	4	<i>Рюмочная</i>	2
<i>Кафешантан</i>	4	<i>Столовая</i>	2
<i>Шинок</i>	4	<i>Трактория</i>	2
<i>Блинная</i>	3	<i>Шашлычная</i>	2
<i>Бистро</i>	3	<i>Вагон-ресторан</i>	1
<i>Буфет</i>	3	<i>Дансинг</i>	1
<i>Забегаловка</i>	3	<i>Кафе-бар</i>	1

<i>Закусочная</i>	3	<i>Кафе-кондитерская</i>	1
<i>Корчма</i>	3	<i>Кафе-мороженое</i>	1
<i>Пельменная</i>	3	<i>Пиццешка</i>	1
<i>Пирожковая</i>	3	<i>Пончиковая</i>	1
<i>Харчевня</i>	3	<i>Сосисочная</i>	1
<i>Чебуречная</i>	3	<i>Трапезная</i>	1

На втором этапе исследования был проведён эксперимент, направленный на уточнение структуры и состава ЛСГ в восприятии этого материала современными носителями языка был проведен в несколько этапов.

Эксперимент состоял из следующих этапов. Первый этап – формулирование гипотезы, выбор материала, разработка задания. Язык – это живая материя, он всегда находится в развитии. Поэтому словарное слово должно отличаться от экспериментального. Для подтверждения рабочей гипотезы был проведен второй этап психолингвистического эксперимента. Второй этап – опрос испытуемых. Испытуемым был предложен полный список лексем ЛСГ и дано задание: отобрать наиболее употребительные лексемы, пометив их знаком «+» и редкие, пометив знаком «-». В ходе исследования были проанализированы ответы студентов 1 курса факультета ИЯ и МК ТвГУ. Объем выборки составил 50 человек. Студентам было предложено 46 лексем. Третий этап – первичная статистическая обработка полученных ответов. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Частотность лексем по результатам эксперимента.

Лексемы	По данным опросника (+) (%)	По данным Опросника (-) (%)
Ядро		
<i>Кафе</i>	96	2
<i>Ресторан</i>	96	2
<i>Пиццерия</i>	94	2
<i>Кофейня</i>	92	2
<i>Столовая</i>	92	4
<i>Буфет</i>	84	8
<i>Бар</i>	82	12
<i>Шашлычная</i>	80	14
Ближняя периферия		
<i>Булочная</i>	74	14

<i>Забегаловка</i>	70	16
<i>Кафетерий</i>	68	18
<i>Бистро</i>	66	24
<i>Закусочная</i>	66	30
<i>Кафе-бар</i>	60	32
<i>Чайхана</i>	60	38
<i>Чебуречная</i>	60	30
<i>Пивная</i>	52	20
<i>Рюмочная</i>	50	42
<i>Чайная</i>	48	46
<i>Блинная</i>	44	46
<i>Кабак</i>	42	48
<i>Кафе-ресторан</i>	38	48
<i>Пельменная</i>	38	52
<i>Вагон ресторан</i>	34	18
<i>Кафе-кондитерская</i>	34	56
<i>Кафе-мороженое</i>	34	54
<i>Поплавок</i>	28	60
<i>Трактир</i>	28	46
<i>Таверна</i>	24	68
<i>Харчевня</i>	24	66
Дальняя периферия		
<i>Пиццблок</i>	20	64
<i>Ресторация</i>	18	72
<i>Сосисочная</i>	18	70
<i>Кабаре</i>	14	76
<i>Трапезная</i>	12	78
<i>Кафе-концерт</i>	10	82
<i>Пончиковая</i>	10	74
<i>Корчма</i>	6	78
<i>Пирожковая</i>	6	78
<i>Дансинг</i>	4	84
<i>Шалман</i>	4	84
<i>Духан</i>	0	84
<i>Кафешантан</i>	0	84
<i>Кухмистерская</i>	0	86
<i>Траттория</i>	0	86
<i>Шинок</i>	0	86

Четвертый этап — обобщение материалов, извлечённых из словарей, и результатов, полученных экспериментальным путём.

Как следует из табл. 2, к ядру мы можем отнести 8 лексем:

бар, буфет, кафе, кофейня, пиццерия, ресторан, столовая, шашлычная.

К ближней периферии отнесены 22 лексемы:

булочная, бистро, блинная, булочная, вагон ресторан, забегаловка, закусочная, кабак, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, пельменная, пивная, поплавок, рюмочная, таверна, трактир, харчевня, чайная, чайхана, чебуречная,

В дальнюю периферию\ю попали 16 лексем:

дансинг, духан, кабаре, кафе-концерт, кафешантан, корчма, кухмистерская, пирожковая, пищеблок, пончиковая, ресторация, сосисочная, трапезная, траттория, шалман, шинок.

Сопоставление словарных данных и экспериментальных представлено в табл. 3.

Таблица 3. Сопоставление словарных и экспериментальных данных

	Словарные данные	Экспериментальные данные
Ядро		
Совпадение	<i>Бар, ресторан</i>	
Расхождение	<i>Кабак</i>	<i>Буфет, кафе, кофейня, пиццерия, столовая, шашлычная</i>
Ближняя периферия		
Совпадение	<i>Чайная, чайхана, таверна, трактир</i>	
Расхождение	<i>Духан, кабаре, кафе, кафешантан, пивная, шинок</i>	<i>Бистро, блинная, булочная, вагон ресторан, забегаловка, закусочная, кабак, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, пельменная, пивная, поплавок, рюмочная, харчевня, чебуречная</i>
Дальняя периферия		
Совпадение	<i>Дансинг, кафе-концерт, корчма, кухмистерская, пищеблок, пончиковая, пирожковая, ресторация, сосисочная, траттория, трапезная, шалман</i>	

Расхождение	<i>Бистро, блинная, булочная, буфет, вагон ресторан, забегаловка, закусочная, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, кофейня, пельменная, пиццерия, поплавок, рюмочная, столовая, харчевня, чебуречная, шашлычная.</i>	<i>Духан, кабаре, кафешантан, шинок</i>
-------------	--	---

При сравнении словарных и экспериментальных данных в ядре ЛСГ совпало 2 лексемы (*бар, ресторан*), не совпало 7 лексем (*буфет, кабаk, кафе, кофейня, пиццерия, столовая, шашлычная*). По ответам носителей современного языка ядро оказалось обширнее, нежели по данным словарей. Можно предположить, что по причине усиливающейся «атомизации» общества в целом небольшие заведения питания (*кафе, кофейня* и др.) стали пользоваться большой популярностью. Кроме того, наблюдается возрастающий интерес к нерусской кухне (*пиццерия, шашлычная* и др.). Появилась незафиксированная ни в одном словаре лексема *суши-бар*. Уходит в прошлое лексема *кабак* с оттенком «советское», «пренебрежительное», о чём свидетельствует её перемещение из ядра (по словарям) в ближнюю периферию.

В ближней периферии совпало 4 лексемы (*чайная, чайхана, таверна, трактир*), не совпало 25 лексем (*бистро, блинная, булочная, вагон ресторан, духан, забегаловка, закусочная, кабаk, кабаре, кафе, кафешантан, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, пельменная, пивная, поплавок, рюмочная, харчевня, чебуречная, шинок*). По ответам носителей языка можно заключить, что зона ближней периферии тоже (как и ядерная) стала более обширной, что свидетельствует об активном использовании лексем рассматриваемой ЛСГ.

В дальней периферии совпало 12 лексем (*дансинг, кафе-концерт, корчма, кухмистерская, пищеблок, пончиковая, пирожковая, ресторация, сосисочная, траптория, трапезная*), не совпало 25 лексем (*бистро, блинная, булочная, буфет, вагон ресторан, духан, забегаловка, закусочная, кабаре, кафе-бар, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, кофейня, кафешантан, пельменная, пиццерия, поплавок, рюмочная, столовая, харчевня, чебуречная, шашлычная, шинок*). Больше расхождений со словарными данными в группе ближней периферии (*бистро, блинная, булочная, вагон ресторан, духан, забегаловка, закусочная, кабаk, кабаре, кафе, кафешантан, кафе-бар, кафе-*

кондитерская, кафе-мороженое, кафе-ресторан, кафетерий, пельменная, пивная, поплавки, рюмочная, харчевня, чебуречная, шинок). К лексемам дальней периферии по данным эксперимента попали те лексемы, которые были в ближней периферии по словарным данным (*духан, кабаре, кафе, кафешантан, пивная, таверна, трактир, чайная, чайхана, шинок*). Востребованность лексем ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ» в современном языке объясняет то, обстоятельство, что дальняя периферия по ответам носителей языка представлена весьма скудно (всего 12).

Итак, с помощью эксперимента была подтверждена наша рабочая гипотеза о расхождении словарных данных с экспериментальными. Можно предположить, что эти расхождения во многом объясняются возрастающей активностью употребления лексем ЛСГ «ЗАВЕДЕНИЕ ПИТАНИЯ». В перспективе планируется провести эксперимент методом незаконченных предложений, сравнить результат со словарными дефинициями с целью выяснения семантических сдвигов в значении слов, составляющих ядро и ближнюю периферию анализируемой ЛСГ.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Л.: Наука. 1987. 348 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр., М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
3. Зиновьева, Е.И. Понятие «поле» в лингвометодических исследованиях / Е.И. Зиновьева // XXXII Международная филологическая конференция. Вып. 15. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 108-112.
4. Маклакова Е.Н. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографического описания языковых единиц: дис. ... докт филол. наук. Воронеж. 2013. 329 с.
5. Стернин И.А. Методы описания семантики слова. Ярославль: Истоки. 2013. 34 с.
6. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 31-46.
7. Филин Ф.П. О Лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М., 1993. 336 с.

Список словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 18.09.2016).
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. URL:

- <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 22.09.2016).
3. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. URL: www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения 18.09.2016).
  4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: www.slovari.rudefault.aspx?p=240 (дата обращения 18.09.2016).
  5. Современный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. URL: www.slovonline.ru/slovar_efremova (дата обращения 18.09.2016).
  6. Словарь современного русского литературного языка / под ред. В. И. Чернышева [Электронный ресурс]. URL: www.twipx.com/file/400318 (дата обращения 18.09.2016).
  7. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин [Электронный ресурс]. URL: www.вокабула.рф.словари.русский-толковый-словарь-Лопатина (дата обращения 18.09.2016).

THE CONTENTS AND STRUCTURE OF LEXSICAL SEMANTIC GROUP «PUBLIC CATERING FACILITY» (lexicographic and experimental materials)

E.W. Novikova
Tver State University, Tvera

The article considers the contents and structure of lexical semantic group "public catering facility", semantic contents included in lexical group on the basis of lexicographic sources, as well as the results of the experiment, considering in details these lexical group by the English speakers perception.

Key words: *lexical semantic group, word semantics, linguistic experiment, seme.*

Сведения об авторе:

НОВИКОВА Екатерина Вячеславовна – магистрант 2-го курса факультета ИЯ и МК Тверского государственного университета, направление подготовки «Лингвистика», e-mail: ekaterinanovikova19@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

М.В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматриваются лингводидактические аспекты интерпретации текста. Герменевтическая схема интерпретации текстов представлена как инструмент фиксации рефлексии и механизм развития рефлексии, выводящей на новый уровень понимания.

Ключевые слова: филологическая герменевтика, понимание, фиксация рефлексии, интерпретация текста, стилистика, лингводидактика, партитурность, тенденции текстопостроения, Г.И. Богин.

Лингводидактические аспекты герменевтического подхода к интерпретации текстов рассматриваются в научном сообществе с момента введения в научно-исследовательский обиход самого понятия филологической (лингво-филологической) герменевтики, то есть примерно с середины 1980-х. Часть обращенных в сторону прикладного педагогического и методического аспекта работ адресована непосредственно педагогической практике в начальной и средней школе, в других обсуждаются общие и частные проблемы использования герменевтических методик и практик в высшей школе, немалую часть составляют исследования, посвященные приложению основных постулатов филологической герменевтики в лингводидактике высшей и средней школы. В современной зарубежной лингвистике как никогда много внимания уделяет интерпретативной деятельности читателя постструктуралистская герменевтика. При этом наиболее радикальное возражение выдвигается по поводу основного положения критической герменевтики о возможности описания объективного смысла текста (предположение, которое лежало в основе структуралистской герменевтики и новых критических теорий). Одним из следствий полемики стало изменение отношения к природе и целям литературной герменевтики (см. [1; 2; 8; 24; 25; 26]).

Особое развитие получили такие важные теоретические аспекты филологической герменевтики как понятие о лингвистической компетенции и уровнях развития языковой личности (легли в основу теории оптимизации речевого воздействия), высказанной и невысказанной рефлексии (используется при разработке методик работы с текстами), о

смыслообразовании и балансе свободы и культуры при понимании текста (используется при методическом описании интерпретационных практик), о техниках понимания (в практике интерпретации текстов). В настоящей статье я рассматриваю потенциал уже наработанных методик и техник в гуманитарном образовании (некоторые аспекты проблемы уже были затронуты в [16]). Программы филологической подготовки включает в себя различно ориентированные курсы лингвокультурологии, в том числе и практического чтения. Такие курсы могут быть использованы как материал в герменевтической практике восприятия текста.

Многие проблемные вопросы подготовки филологов в немалой степени проистекают из того, что каждая из преподаваемых лингвистических и общепилологических дисциплин требует времени на развитие практических навыков, на присвоение и освоение полученных теоретических знаний. Вряд ли можно всерьёз обсуждать возможность значительного изменения культурного уровня студентов за то короткое время, которое отводится каждому курсу. Вот почему стоит обратить внимание на разработку курсов практического чтения с интерпретацией текстов, в ходе которых студенты могли бы получить навыки культурного обращения с художественными (и научными) текстами вне зависимости от общего объёма «охваченных текстов». По словам Г. Флобера, можно стать хорошим учёным зная как следует пять-шесть книг. Это, конечно, до некоторой степени преувеличение, однако, нельзя подвергать сомнению то, что количество прочитанных книг редко перерастает в качество их понимания [15: 27].

Рассмотрим некоторые принципы герменевтического подхода к интерпретации текста, которые непременно должны учитываться при учебной интерпретации текста. В своем эссе «О хороших читателях и хороших писателях», предшествующем лекциям по зарубежной литературе, Владимир Набоков определённо выступает в защиту читателя-герменевта. Иначе нельзя воспринимать замечания о том, что «начинать с готового обобщения – значит ... удалиться от книги, даже не начав её понимать» [15: 27] – это как раз один из важнейших принципов герменевтической интерпретации, а именно: отказ от эпифеноменального понимания, понимания, которое не опирается на сам текст [3; 4]. Чем же преподаватель должен заменить «поддельное понимание»? Очевидно тем самым рефлексивным процессом, основанным на соблюдении баланса свободы и культуры – свобода ограничена культуросообразностью интерпретации, но и культуросообразность не является абсолютной доминантой, так как именно читатель реконструирует ситуацию

опредмечивания смыслов текста, исходя из своего собственного опыта обыденной и научной рефлексии. Как отмечает в своем эссе тот же Набоков: «... во всяком произведении искусства воссоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам и никак напрямую не связанный с теми мирами, что мы знали прежде» [16: 27].

Одним из важнейших принципов герменевтической практики является различие понимания и интерпретации. Интерпретация – это прежде всего высказанная рефлексия, подотчётное намеренное усмотрение и распредмечивание смыслов и идей текста (под распредмечиванием мы понимаем усмотрение смыслов, моделируемых формой текста). В то время как понимание – это мгновенный интуитивный акт сознания (см. об этом [11; 22]). Ответы на рефлексивные вопросы о понимании может дать только развернутая (дискурсивная) рефлексия в форме интерпретации текста. Как любил говорить еще один классик современного гуманитарного исследования, Г.П. Щедровицкий, мышление бывает «длинное» и «круглое». «Круглое» мышление – это наше мгновенно схватывающее понимание, а «длинное» – наша дискурсивная рефлексия, расставляющая все по полочкам и объясняющая нам же самим, что именно мы поняли и почему. «За пониманием стоит сложный процесс, условно говоря, состоящий как минимум из трех стадий: выбор в словах контекстуально актуализированных значений, выявление поверхностного смысла на базе этих значений, постижение внутреннего смысла с учетом контекстуальной мотивации» [7: 150].

В. Набоков, в свою очередь, предостерегал читателя от использования «убогой разновидности» воображения, которая питается «простыми эмоциями и носит отчетливо персонифицированный характер» [15; 28]. Такой тип воображения заставляет читателя подменять смыслы текста собственными переживаниями (хуже всего, по мнению Набокова, если читатель идентифицирует себя с персонажами книги). Идеальным инструментом для читателя являются безличное воображение и эстетическое удовольствие – значащие переживания. С литературоведческих позиций В. Набоков постулирует принципы «хорошего чтения», которые не только не противоречат, но предвосхищают герменевтические принципы интерпретации текста. В рефлексии над языком огромное место занимает рефлексия над отдельными единицами номинации – производными словами, простыми словами и т.д.

Не даром В. Набоков настаивает на том, что хороший читатель – это обязательно «перечитыватель» [15], поскольку наш разум, или точнее наш

опыт действовани́я с текстами культуры и коммуникации, наше понимание («Я понял!» или «Я не понял»), позволит сначала пережить целое текста («значащее переживание»), а затем в интерпретации прорисует идеальную реальность художественного мира с такой же полнотой, какая свойственна нашему представлению о мире объективной реальности вокруг нас. Значащие переживания в несравненно большей степени, чем эмоции, являются ценностями, представленными в тексте, причём текст, произведение речи, может стоять в разных отношениях к значащему переживанию: манифестировать его; комментировать и объяснять его; рефлексивно обрабатывать его в условиях распремечивания; способствовать его интенциональности; упорядоченно репрезентировать его; вести с ним борьбу – как в церковной проповеди, направленной против переживания безнравственных смыслов [4].

Не приведет ли подобное внимание к буквалистскому и часто ложному декодированию, приписыванию особой значимости сопереживающим действиям (смешение «своего» и «чужого») или напротив, буквалистскому отношению к интенциям автора? Эти подобные проблемы активно обсуждались и обсуждаются в структурализме, постструктурализме и теории читательского восприятия (“reader-response criticism”) [25; 26]. Филологическая герменевтика, опираясь на известные и описанные техники понимания текста предостерегает не только от эпифеноменальности, но и от ложного интендирования (то есть ошибочного выбора нозм и безграмотной категоризации смыслов) вопреки опредмеченным в тексте смыслам.

Художественные тексты в этом отношении являются не отражением действительности, а её творением. Самые сложные типы понимания текстов восходят (хотя и не сводятся) к освоению знаков обыденного языка: текст закрепляет в языковых формах модель отношений действительности, точнее – освоение её человеком. При этом слово как слово и слово как метасмысл, т.е. вместилище многочисленных контекстуальных (актуальных, потенциальных) смыслов, иногда не различаются, хотя метасмысл, закрепленный словом обыденного языка, в смысловом отношении всегда богаче слова, употребленного в тексте (см. [9; 12]). Слово текста представляет лишь одну его грань, а слово как метасмысл – и другие его грани, не номинированные в тексте этим словом. Распремечивающее или феноменологическое понимание построено на распремечивании идеальных реальностей, презентуемых не только средствами прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста. Оно позволяет «восстановить системомысле-

деятельностную ситуацию и мир смыслов продуцента текста», иными словами – Erlebnis автора; но восстановление это идёт через Erlebnis читателя. Текстовые средства выступают здесь уже не как знаковые образования, а как «ассоциаты другого рода» [3]. Интерпретация – это «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [22: 21].

Если В. Набоков говорил, соглашаясь с Флобером, о важности досконального знания немногих избранных книг (не все писатели обладают гениальным даром открытия нового), то филологическая герменевтика отмечает важность работы в том числе и с отрывками, дробями, художественного текста. Разумеется, это не означает, что целые произведения читать не нужно, но научение рефлексии может использовать и меньшие по объёму тексты, на примере которых можно в полной мере продемонстрировать применение техник понимания и схемообразующей рефлексии. В качестве иллюстрации я прокомментирую схему анализа дробей текста, используемую в практике интерпретации текста. Это базовая схема, которая может быть развёрнута и перефокусирована в зависимости от типа текста.

В качестве иллюстративного материала возьмем отрывок из начала рассказа А.П. Чехова «Спать хочется»:

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет:

*Баю-баюшки-баю,
А я песенку спою...*

Перед образом горит зеленая лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется веревка, на которой висят пеленки и большие черные панталоны. От лампадки ложится на потолок большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросают длинные тени на колыбель, на Варьку ... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет щами и сапожным товаром.

Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но все еще кричит и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка.

Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – тебе каши наварю...

Согласно базовой схеме, на первом этапе интерпретации предлагается предварительно сформулировать идею и общее содержание текста. Идея и общее содержание текста усматриваются в первую очередь за счет

«смыслового восприятия» («круглого мышления»), которое только фиксирует понимание или непонимание, и служит отправной точкой дискурсивной рефлексии.

Художественная идея текста имеет мало общего с ответом на вопрос «Что хотел сказать автор?». Это скорее ответ на вопрос: «Что увидел внимательный читатель?». Усмотрение художественной идеи предполагает как мгновенное «понимание-схватывание», так и уточнение понятого в дальнейшей интерпретации. Усмотрение художественной идеи на этом этапе сильнее всего зависит от культурного багажа реципиента и требует от преподавателя внимательного участия и постоянного направления студента к высказанной в первые минуты после прочтения идее (реализация техники интендирования, удерживающей направление луча рефлексии). Если дробь текста представляет собой не законченное короткое произведение, а отрывок более длинного текста, усмотрение студентом основной художественной идеи направляется с помощью вопросов. На примере отрывка рассказа А. Чехова можно задать студентам вопросы типа: «Если отрывок представляет собой экспозицию, начало рассказа, что должно произойти дальше?», «Какая картина открывается читателю в описании?». Описание является стратегически важным приёмом, без которого литература немислима. Методическая ценность вопрошания состоит в том, что оно позволяет в дальнейшем построить собственные схемы интерпретации и перерастает в одну из герменевтических техник распремечивания смыслов [4].

Рефлексия над текстовыми средствами вообще и над лексическими единицами в частности может принимать личностный характер; уже на этом уровне может начаться выражение языковых потенций смыслотворчества реципиента [4; 17]. И личностный характер рефлексии, и смыслотворчество реципиента показывают, что на уровне семантизирующего понимания переживание неизменно присутствует и задача понимающего чтения – превратить его в значащее.

Семантизирующее понимание при обращении на предикацию становится работой по пониманию содержания, поскольку содержание есть то, что предикаруется, что обеспечивает переход к когнитивному пониманию. Далее, в ходе рефлексии над общностями в рамках парадигматических и синтагматических категоризаций и систематизаций оказывается возможным «переход к распремечивающему пониманию, поскольку в этих категоризациях появляются мельчайшие единицы смысла – ноэмы» [4]. В группировках ноэм возникают свои собственные ситуации, конфигурирование отношений и связей внутри которых и приводит к

появлению смысла. «В одном случае строятся пропозиции, в другом – всё то, в чем может быть представлен смысл – начиная, естественно, со значащего переживания» [4].

Рассмотрение идеологических аспектов, таких как конфликт и другие противоречия, миссия, идеи, тенденции, тональность связано с логическим делением текста. Этот пункт анализа предполагает детальное рассмотрение средств создания конфликта и тональности, прослеживание логики развития сюжета. В нашем небольшом отрывке можно поговорить о роли фреймовой композиционной структуры в выявлении конфликта: нянька оказывается не нянькой, а измочаленным непосильным трудом ребенком; колыбельная песня превращается в ночной кошмар и общее довлеющее чувство глухоты окружающего мира усиливается не только за счет прямого номинирования – громкий крик ребенка не вызывает ни чьей тревоги, но и за счет искусно построенного описания комнаты, увиденной глазами ослепевшей Варьки. Назывные предложения, перечисление совершенно неважных деталей обстановки комнаты, монотонность и обрывистость воспринимаемого сквозь сон. Миссия отрывка – сообщить о глухоте, бесчеловечности, непонимании, безысходности – все эти смыслы вырастают из ноэм, интендированных в начале интерпретации и, категоризируясь, помогают в дальнейшем понимании.

Последовательность и распределение композиционных частей обусловлены конфликтом и другими идеологическими аспектами. Даже самая малая дробь текста несомненно обладает своей собственной композицией, тем более, что в учебных целях дробь текста рассматривается как полноценный текст (кроме того, анализ дроби текста дает возможность наглядно продемонстрировать эффективность используемых герменевтических техник и принципов). Композиция отрывка кольцевая – завершение повторяет припев колыбельной. Темп отрывка постепенно замедляется вместе с угасанием сознания маленькой няньки.

Формальные стилистические отличия композиционных частей рассматриваются в ходе дальнейшего очерчивания идеальной реальности текста. Выбор формы презентации (диалог, описание, повествование, их комбинации) лежит в основе оптимальной реализации художественных идей и идеологических проблем с точки зрения восприятия читателя. Каждая композиционная часть (или в случае небольшой дроби – вся дробь может рассматриваться как такая часть и получить не относительную, а абсолютную характеристику по всем предложенным пунктам). В нашем отрывке постепенное замедление повествования соответствует общей логике развития и представляет то голос автора, то слабый голос самой

Варьки, то незамысловатую колыбельную песенку в развивающем повторе. Наиболее важные детали описания, на которые стоит указать – «чуть слышно мурлычет», «зеленая лампадка», «душно», «пахнет щами и сапожным товаром» (сочетание «сапожный товар» является актуализующим элементом, точно указывающим на время и место действия, и на персонажа, который может так почувствовать и так определить этот запах). Композиционные части можно далее рассмотреть с точки зрения меры насыщенности маркированными языковыми средствами; меры актуализации языковых средств (фонетических, грамматических, лексических, синтаксических). Маркированные языковые средства – это средства языка, которые нарушают баланс текста (см. [20; 21], провоцируют воспоминания, переживания, проблематизации и другие способы категоризации смыслов. Маркированность смыслов трактуется в лингвистике также и в терминах «дистинктивных» и «недистинктивных» оппозиций (например, в фонологии И.С. Трубецкого и других представителей Пражского лингвистического кружка [18]). Можно констатировать, что принцип дихотомии и оппозиции нейтральности (языковыми оппозициями называется лингвистически существенное (выполняющее семиотическую функцию) также инструментально существенен в лингвистической предметизации герменевтических методов: различию между единицами плана выражения соответствует различие между единицами плана содержания и наоборот.

Начало отрывка построено по принципу сценической ремарки, этот прием автор использует и в дальнейшем – мы не только читаем, но и видим, чувствуем то, что видит и чувствует персонаж (принцип миметического представления художественной реальности). Маркированными элементами в данном случае являются синтаксические структуры (назывные и безличные предложения «Ночь», «Душно», «Пахнет ...»). В описании комнаты синтаксическими средствами опредмечен смысл «враждебность»: повторяющиеся упоминания лампадки, пеленок и панталон и их теней вызывают образы живой и враждебной среды, которой нет дела до усталой няньки. Упоминание ветра и духоты в соседних предложениях позволяет дальше усмотреть смысл «неискренность», «ложь» – все здесь неправильно устроено, то что кажется ветром всего лишь мигание лампадки, а на самом деле душно и воняет («... как от ветра. Душно.»). Больше ничего автор не говорит о комнате, девочка одна среди враждебных к ней вещей. Основным маркированным средством является синтаксическая организация отрывка (чередование коротких и длинных предложений, сценический ритм ремарок).

Важным инструментом интерпретации является усмотрение партируности текста. В лингвистической теории понятие «партитура» определяется через наличие в тексте речевых партий, а партитурность – «возможность реализации двух или нескольких замыслов речевых партий участников» [6: 171]. Для художественного текста партитурность определяется как свойство текста, «содержательно воплощаемое в смене / сохранении речевой партии (голоса), формально проявляющееся в маркерах, отделяющих один голос от другого» [6: 198]. С точки зрения формы репрезентации партитурность проявляется в тексте так же, как и категория композиции – в виде абзацных отступов и интервалов [14: 189], маркеров композиционных частей, блоков и фрагментов [10: 133]. Художественная партитура в стилистике традиционно описывается как языковые проявления полифоничности, связанные с интертекстуальностью, «голосами» героев, композиционными приёмами [5; 19; 24]. Полифоничность свойственна практически всей литературе, поскольку в тексте неизменно присутствует голос автора и голос рассказчика, голоса героев.

В филологической герменевтике, которая занимается методологией и методами организации понимания речевого произведения индивидом и методами передачи этого понимания другим людям, глубина партитурной организации речевой цепи определяется числом анализируемых, существенных для реципиента строк партитуры. На уровне изучения композиционных частей партитурность представлена корреляцией основных противоборствующих тенденций человеческой речи: меры корреляции избыточности/экономии; меры корреляции экспликационности / импликационности; меры корреляции актуализации / автоматизации. Эта часть работы предполагает проанализировать проявление в тексте основных стилистических тенденций текстопостроения и объяснить их функциональность. Ведущие тенденции человеческой речи были впервые категоризованы и описаны как таковые в работах Ю.М. Скребнева [21] для исследований в области коллоквиалистики. Под мерой корреляции понимается преобладание той или иной тенденции в текстопостроении отрывка или целого текста. Понятие избыточности / экономии языковых средств традиционно связывалось с теорией информации (необходимость обеспечения надежности каналов коммуникации). В семиотику и лингвистику текста эти понятия пришли с исследователями тартуской школы (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и др. [13; 23]). Следование той или иной тенденции текстопостроения считается одним из основных признаков стиля автора.

Отрывок, который мы взяли в качестве примера, построен с преобладанием импликационной тенденции. На семантическом уровне это проявляется в экономном представлении фактической информации – мы почти ничего не узнаём о Варьке из средств прямой номинации («Нянька Варька девочка лет тринадцати»), но её состояние и вся жизнь совершенно открыты для нас. Импликационная тенденция в данном тексте представлена такой организацией, при которой каждая содержательная единица отдельна и не связана со следующей, поэтому вместо наращивания содержания сложением, наращиваются смыслы и происходит их переопредмечивание [4]. На уровне текста это моделируется назывными предложениями, введением имени собственного, самостоятельным употреблением части сложного предложения с союзом «а» в начале предложения, условно настоящим временем повествования. Позиция рассказчика вынесена вовне, описательна. Импликационно представленные содержательные единицы («девочка, живущая в чужих людях», «она не только за ребенком смотрит, но и выполняет всю работу по дому», «она очень устала и не может успокоить ребенка», «комната в доме торговца сапожным товаром или сапожника»). Актуализация и автоматизация обычно связываются с предсказуемостью и информативностью. На лексическом уровне обычно говорят о частотности той или иной лексической единицы. Но понятие частотности так же успешно может использоваться и применительно к единицам других языковых уровней. Предсказуемость в художественном произведении чрезвычайно низка и автоматизирующие факторы используются как стилистические средства (например, тавтологии и устоявшиеся метафоры могут содействовать усмотрению смыслов «обыденность», «невыносимость», «неискренность», «безысходность», «приближающаяся трагедия»). Актуализующая тенденция в нашем отрывке реализуется намеренным алогизмом пропозиций (описание обычной комнаты – комната оживает и становится враждебной, движение ветра – духота, ребенок плачет – Варьке хочется спать, физическое описание признаков усталости – самоощущения).

Любой текст может быть стилистически маркирован в отношении одной из основных тенденций и нейтрален (или менее маркирован) в отношении других, в зависимости от индивидуального стиля автора, и тех способов, которые он использует при создании художественной реальности (той самой, в которую нам советует погрузиться В. Набоков для того, чтобы стать «хорошим читателем»); Гуссерль называет такой способ чтения «феноменологической редукцией» – вынесением за скобки

обыденной реальности и уходом в альтернативный мир текста, что в современной герменевтике является одной из техник усмотрения смыслов.

Общая схема развития идей и характеров перевыражается в логической организации дробы. Например в нашей дробы текста Кульминационным моментом является засыпание Варьки и постепенная потеря сознания, композиционный повтор колыбельной песни репрезентирует циклическое развитие событий. Смысл «враждебности Варьки по отношению к ребенку» развивается постепенно – упоминание в самом начале отрывка «няньки Варьки» указывает на наличие в доме маленького ребенка, затем поддерживается упоминанием колыбели, пением колыбельной, упоминанием пеленок на веревке и, наконец, завершается коротким нераспространенным предложением: «Ребенок плачет», после спокойного и монотонно-усыпляющего описания душной темной комнаты. Голос автора сменяется голосом Варьки (об этом говорят сниженные лексические единицы), описывается объективное и субъективное физическое состояние Варьки, и очевидно, что ребенок – это то, что мешает сейчас, единственный конкретный враг: ребенок «осип и изнемог от плача», «неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать». Общая глубина партитурной организации речевой цепи увеличивается при усмотрении нескольких планов повествования и описания. Любой художественный текст (а часто – и текст иного жанра) имеет не только автора-рассказчика, но и говорит голосами невидимых персонажей – это могут быть упоминаемые вне логики основного рассказа детали, выведенная вовне внутренняя речь и т.п. В тексте Чехова речь автора-рассказчика перемежается с вкраплениями речи, мыслей и ощущений Варьки (например, объективная картина убогой комнаты дополняется тем, как её видит Варька – живые и жуткие колышущиеся тени, духота, запахи; ребенок кричит – Варька слышит, что он осип и изнемог). Глубина партитуры достигается за счет актуализующе непохожих вкраплений иной речи (лексические единицы, натуралистические подробности, персонализация).

Лингвистические характеристики текста не могут не реализовывать всех существенных идеологических категорий. Грамматические формы и параметры текста являются частью моделирующих средств. Условно-настоящее повествовательное время отрывка усиливает ощущение сценичности, жутковатой реалистичности сцены, которая разворачивается на глазах читателя.

Функционально-стилистический аспект текста выводится вовне, в сферу практического владения стилями и подъязыками и опирается на

навыки различения видов словесности. Рассказ Чехова написан упрощенным литературным языком, время и обстановка действия подчеркнуты лексическими единицами (лампадка, веревка для белья от угла до угла, колыбель, сапожный товар) – все это низкочастотные единицы, атрибутирующие текст с достаточной точностью. Сниженность лексики, её тематичность и высокая частотность единиц использованных для описания физического состояния Варьки контрастируют с актуализованными индивидуальными характеристиками её субъективного состояния.

В чеховском отрывке крайне мало фигур речи и традиционных стилистических приёмов. Образность рассказов Чехова основана на совершенно иных механизмах – второй абзац текста рисует картину дома с привидениями, живые враждебные вещи. При этом автор не использует поэтических сравнений и метафор. Просто тени шевелятся «как от ветра», голова стала «маленькой как булабочная головка», от чего вся картина достигает гоголевского масштаба ужасности. Последнее сравнение выступает кульминацией градации при описании состояния Варьки.

Использование различных подязыков в тексте может относиться как к лексической отнесённости, так и к особенностям грамматики и синтаксиса (фонетические особенности речи могут быть также переданы в записанном тексте с помощью графических средств). Подязыки не только позволяют дать речевую характеристику персонажей, включая рассказчика, но и способствуют выявлению художественной идеи и формированию смыслов. Подязык «разговорной речи необразованного ребенка», использованный в отрывке наряду с нейтрально-литературным (нарочито упрощенным) стилем, представлен лексическими единицами «мурлычет», «уймется», «осип». Контраст между вкраплениями разговорного стиля и основным нейтрально-упрощенным стилем отрывка делает маркированным не только коллоквиальные единицы лексики, но и нейтральный стиль – бесчувственность номинаций ярче выделяет метасмысл «враждебность», «бесчувственность».

Схема интерпретации иллюстрирует герменевтические принципы анализа текста и техники усмотрения смыслов – понимание и усмотрение смыслов текста в движении по герменевтическому кругу («понимание – интерпретация – понимание – интерпретация-2»); интендированность рефлексии (её возвращение в топосы «души»); культуросообразность распредмечивающей интерпретации. Схема интерпретации – это ещё и иллюстрация схематического растягивания смыслов.

Итак, интерпретация текстов по заранее принятой схеме позволяет не только высказать рефлексию и зафиксировать понятое в форме интерпретации, но и сама по себе углубляет понимание и выводит его на новый уровень, на котором происходит как присвоение новых смыслов, так и конкретизация идеальной реальности текста.

Список литературы

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательного текста / Пер. с фр. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв: Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. С.387–422.
2. Барт Р. От произведения к тексту / Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 413–423.
3. Богин Г. И. Интерпретация текста: учеб.-методич. материалы для студентов отделения английского языка ф-та РГФ. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. 38 с.
4. Богин Г.И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста (рукопись) [Электронный ресурс]. URL: http://window.edu.ru/resource/096/42096/files/bogin_glava3.htm (дата обращения 20.03.2016).
5. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с
6. Бортников В.И. Партитурность в типологической классификации текстовых категорий // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2014. № 2 (8). С. 197–201
7. Валгина Н.С. Теория текста. М., Логос. 2003. 173 с.
8. Гиндин С.И. Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. конф. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 125–126.
9. Кубрякова Е.С. Герменевтика и проблема понимания отдельных языковых единиц // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Тверь: ТГУ. 1993. Ч.1. С. 137–141
10. Купина Н.А. Стилистика современного русского языка / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. М.: Юрайт, 2013. – 416 с.
11. Литвинов В.П. Феномен содержания // Вопросы методологии. М.: Касталь. 1994. №3–4 С. 22–28
12. Литвинов В.П. Феномен слова // Вестник Тверского государственного университета, 2009. №29. С. 101–119.
13. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С.251–293.
14. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Издательство «Ось-89», 2009. 560 с.
15. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 512 с.
16. Оборина М.В. Мультимедийное пространство и текст // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О.С. Шумилина. Вып.28. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 207–213

17. Оборина М.В. Зависимость подхода к интерпретации текста от плоскости его рассмотрения // Филологическая герменевтика и общая стилистика. Тверь: Твер.гос.ун-т, 1992. С. 28–46
18. Пражский лингвистический кружок // Сб. статей. Сост., ред. и предисловие Н.А. Кондрашова. М.: Издательство Прогресс, 1967. 560 с.
19. Савина А.А. Партитурность англоязычного художественного текста (на материале английского регионального романа 19-20 вв.) дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 189 с.
20. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студ. и аспирантов филолог. специальностей. Горький: Изд-во ГПШИЯ, 1975. 174 с.
21. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Сарат. ун-т, 1985. 210 с.
22. Снитко Т.Н. К проблеме рефлексивности понимания // Понимание и рефлексия. Ч.2. Тверь, 1992. С. 21–24.
23. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
24. Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
25. Fish, S.E., Literature in the Reader: Affective Stylistics // “Reader-response Criticism: From formalism to Post-Structuralism”, ed. J.P. Tompkins. Baltimore: John Hopkins UP, 1980. Pp. 70–100
26. Landa, J.A.G., Stanley E. Fish’s speech acts // ATLANTIS, vol. XII, № 2, noviembre, 1991. Pp. 121–137

INTERPRETATIVE APPROACH IN LINGUISTIC EDUCATION: TEXTUAL BASICS OF EDUCATION IN HUMANITIES

Marina V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper analyzes linguistic aspects of close reading with students. The use of a specific algorithm ensures the explication of comprehension in the form of text analysis. The analysis verbalizes ideas and messages retrieved by the reader helped on with questions and suggestions.

***Keywords:** philological hermeneutics, comprehension, fixation of the reflexive process, text analysis, stylistics, linguistic education, textual score, trends in textbuilding, G.I. Bogin.*

Сведения об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Л.В. Раченкова

Тверской государственной университет, Тверь

В данной статье рассматривается явление языковой интерференции в поэтическом переводе. Исследование основывается на материале немецкой поэзии. В работе применяется метод сопоставительного анализа. Актуальность работы обусловлена отсутствием достаточно обширного теоретического и практического корпуса исследования языковой интерференции в поэтическом переводе. Автор рассматривает определения данного феномена, предложенные отечественными и зарубежными исследователями. Основываясь на этой информации, под языковой интерференцией автор понимает перенос особенностей исходного языка на язык перевода, что в свою очередь может оказывать как негативное, так и положительное влияние на перевод.

Ключевые слова: *языковая интерференция, поэтический перевод, лексическая интерференция, грамматическая интерференция.*

Предметом исследования настоящей статьи является языковая интерференция и ее влияние на качество перевода немецкой поэзии на русский язык. Материалом послужили переводы стихов немецкоязычных поэтов. В работе применялся метод сопоставительного анализа.

Актуальность работы обусловлена отсутствием достаточно обширного теоретического и практического корпуса исследования явления языковой интерференции в поэтическом переводе. Не смотря на то, что данная проблематика многократно привлекала внимание исследователей, в силу своей уникальности, данный вид перевода нелегко закрепить в четкие теоретические рамки.

В работах И. А. Бодуэна де Куртене, Л.В. Щербы, У. Вайнрайха, Е.М. Верещагина, В.Ю. Розенцвейга и др. были сформулированы основные положения о языковой интерференции и, как правило, данные исследования проводились в рамках теории языковых контактов. Сам термин «интерференция» происходит из латинского языка и обозначает: *inter* ‘между’ + *ferio* ‘касаюсь, ударяю’ [12: 197].

В лингвистику термин «интерференция» впервые ввели учёные Пражского лингвистического кружка, подразумевая под интерференцией процесс отклонения от норм контактирующих языков. Но впервые мысль о взаимном влиянии языков друг на друга была выдвинута еще И.А.

Бодуэном де Куртенэ. Под интерференцией ученый понимал конвергентную перестройку языков в ходе контактов. Главной идеей исследователя было то, что в результате взаимного влияния языков друг на друга происходит не только заимствование отдельных языковых единиц, но также и сближение языков в целом [6: 317].

Более широкое признание данный термин получил после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты». Где ученый рассматривает языковой контакт как главное условие возникновения интерференции. У. Вайнрайх определяет интерференцию как отклонение от языковых норм, которые возникают в речи билингва в результате владения иностранными языками [5: 78-93]. Согласно исследователю, под интерференцией понимают «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [5: 44].

Труды Л.В. Щербы послужили обширной исследовательской базой явлений интерференции. Он рассматривает сущность процесса интерференции как взаимное приспособление языка говорящего и языка слушающего и соответствующие изменение норм контактирующих языков [9: 40-53].

Вслед за Л.В. Щербой Ю.А. Жлуктенко относит к интерференции «все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» [7: 61].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре интерференция трактуется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [12: 197].

Анализ существующих определений интерференции показывает, что проблема интерференции рассматривается в рамках языковых контактов и под интерференцией в целом понимается негативное явление усложняющее процесс перевода и обучения иностранным языкам. Проблема интерференции одного языка при контакте с другим обозначается, как одна из важнейших проблем создания адекватного перевода. Но есть исследователи, говорящие и о положительных значениях интерференции. К их числу относится В.Н. Комиссаров. В работе «Проблема интерференции в теории перевода» он говорит о том, что в теории перевода следует

рассматривать все виды интерференции при переводе, несущие как положительное, так и отрицательное значение [8: 103–108].

Вслед за Комиссаровым Э.М. Ахунзянов предлагает понимать интерференцию как изменения в структуре или в элементах структуры одного языка под влиянием другого, он рассматривает это явление как положительное, способствующее взаимообогащению контактирующих языков, и противопоставляет интерференцию трансференции как неосознанному ошибочному переносу норм родного языка на изучаемый язык [3: 189].

Алимов под языковой интерференцией понимает взаимовлияние контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным и выражается в отклонениях от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции) [1: 18–19].

Принято различать интерференцию: фонетическую и фонологическую; грамматическую; лексическую [4: 32].

Приведем пример лексической интерференции из перевода стихотворения «Строфы» Райнера Марии Рильке:

Ist einer, der nimmt alle in die Hand,
dass sie wie Sand durch seine Finger rinnen.
Есть тот, кто всех берет в ладонь
и как песок сквозь пальцы сыплет сразу (Перевод Ю. Тарнопольский).

Ладонь – нем. Hand: совпадая с русским в одном значении, немецкое слово имеет ещё несколько значений, одно из которых ‘рука, кисть’ не свойственное русскому, которое использовано в приведённом примере.

Стихотворение «Пантера» Райнера Марии Рильке:

Der weiche Gang geschmeidig starker Schritte,
der sich im allerkleinsten Kreise dreht,
ist wie ein Tanz von Kraft um eine Mitte
Беззвучным шагом, поступью упругой
Описывая тесный круг, она,
Как в танце силы, мечется по кругу (Перевод Богатырева).

Шаг – нем. Gang: совпадая с русским в одном значении, немецкое слово имеет ещё несколько значений – ‘ходьба, коридор, проход’.

Грамматическая интерференция возникает в переводе ряда грамматических форм и конструкций. Например, одна и та же форма в немецком языке имеет разные грамматические значения и передаётся на

русский язык различными формами: Wenn man früh aufsteht (если рано встаешь, если мы рано встаем, если рано вставать).

Л.В. Щерба, анализируя перевод Лермонтовым стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum stellt einsam», приводит пример отрицательного влияния на перевод грамматической интерференции: Fichtenbaum (пихта) Лермонтов передал словом сосна. Но мужской род (Fichtenbaum, а не Fichte) выбран поэтом не случайно, он создаст образ мужской неудовлетворенной любви к далекой женщине [10]. В данном случае видим явное искажение смысла оригинала.

Итак, в переводе происходит взаимодействие языков. Это взаимодействие может проявляться в любых языковых подсистемах: в фонетике, в морфологии, в лексике. Рассмотрев явление интерференции на всех языковых уровнях, для более полного анализа феномена необходимо прибегнуть к ее частным проявлениям. Рассмотрим две стратегии перевода – форенизацию и доместикацию. В соответствии с определением Ф. Шлейермахера доместикация, представляет собой «этноцентрическое редуцирование оригинального текста в соответствии с культурными ценностями языка перевода» [11: 242].

В качестве примера доместикации приведем отрывок из стихотворения Райнера Марии Рильке «Римские саркофаги»:

wie einst in dem verzierten Sarkophag
bei Ringen, Götterbildern, Gläsern, Bändern,
in langsam sich verzehrenden Gewändern
ein langsam Aufgelöstes lag
как встарь хранил богатый саркофаг
при ожерельях, идолах, опалах
в ветшающих веками покрывалах
распадом заряженный прах (Перевод К. П. Богатырева).

Einst переводится на русский язык как ‘когда-то, однажды, когда-нибудь’ (в будущем), но переводчик выбрал очень свойственное для русской поэзии «встарь», что неуклонно напоминает о наших предках, о славных былых временах. Данный пример показывает работу механизма «одомашнивания» инокультурных явлений в переводе.

Из стихотворения Райнера Марии Рильке «Прощание»:

Ein Winken, schon nicht mehr auf mich bezogen,
ein leise Weiterwinkendes - , schon kaum
erklärbar mehr: vielleicht ein Pflaumenbaum,
von dem ein Kuckuck hastig abgeflogen.
Но, может быть весь этот трепет белый,
Необъяснимый на мою беду,

Был яблоневым деревом в цвету,
с которого кукушка вдруг слетела (Перевод К. П. Богатырева).

Pflaumenbaum в немецком языке именуется сливу, но выбор переводчика падает именно на яблоневое дерево в цвету, что в описании романтических чувств является более понятным и логичным для русского читателя явлением, которое в данном контексте является символом зарождения любви.

Форенизация же, по Шлейермахеру, представляет собой «этнодевиационное сопротивление ценностям культуры переводной язык, фиксирующее лингвистические и культурные отличия оригинального текста» [11: 242].

В качестве примера приведем отрывок из стихотворения Бертольда Брехта «Легенда о мёртвом солдате»:

Sie schütteten ihm einen feurigen Schnaps
In den verwesten Leib
Und hängten zwei Schwestern in seinen Arm
Und ein halb entblößtes Weib.
В прогнившую глотку влили шнапс,
Качается голова.
Ведут его сестры по сторонам,
И впереди - вдова. (Перевод С. Кирсанова).

В настоящем примере сохраняется привычный для представителей немецкой культуры способ именования алкогольного напитка, который на русский язык переводится также как «водка». Выбор переводчика неслучаен, данный метод позволяет получить русскому читателю впечатление от оригинала во всей его «инокультурности». Данная стратегия меняет традиционно негативное представление об интерференции, т.е. влиянии исходного языка на язык перевода, и превращает ее в ценность.

Частными случаями интерференции Акуленко называет явления синонимии, омонимии и паронимии. Так называемые «ложные друзья переводчика». Межъязыковые омонимы по словам Акуленко это слова обоих языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения [2]. К межъязыковым паронимам Акуленко относит слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений [там же]. На основании кажущегося сходства и идентичности переводчики нередко допускают ошибки в словоупотреблении. При переводе таких слов как Spezialität (die) (чаще

всего фирменное, коронное блюдо, также можно перевести как особенность, отличительная черта, характерная черта), Medizin (медицина в русском понимании, в немецком также это лекарство, причём жидкое: "Trinke die Medizin"), ein paar (с маленькой буквы) (на литературный русский язык переводится как "несколько", но не "одна пара").

В качестве примера, обратимся к отрывку из «Фауста» Гете:

So ist denn alles, was ihr Sünde,
Zerstörung, kurz, das Böse nennt,
Mein eigentliches Element
Итак, всё, что вы называете грехом,
Разрушением, короче, злом,
Есть мой первоначальный элемент (Перевод А. Сидоров).

Переводчик предлагает буквальный вариант «элемент», но в представлении средневековых схоластов «элемент» означает «стихия, среда» – огонь, вода, земля, воздух. Правильнее было бы перевести этот фрагмент так: «моя родная стихия».

Итак, в результате проведенного анализа можно прийти к выводу, что возникновение интерференции наиболее часто возникает при попытках переводчика компенсировать какие-то элементы и функции одной языковой системы, элементами и функциями из другой, что приводит зачастую буквализму, искажению смысла и к различным отклонениям от оригинального текста, но также интерференция в некоторых случаях может оказать и позитивное влияние (в обогащении языков). А для того чтобы добиться более адекватного перевода, и чтобы избежать негативного влияния интерференции нужно владеть всей необходимой информацией и о языке, и о культуре данной страны.

Из всего сказанного выше можно прийти к заключению, что интерференция – явление многоплановое. Существует множество вариантов в понимании данного явления, что говорит о нахождении методики изучения интерференции еще в стадии разработки. Проблема интерференции достаточно сложна и многогранна и в полной мере еще не изучена и не решена.

Список литературы

1. Алимов, В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. М., 2005. – С.18–19.
2. Акуленко, В. В. О «ложных друзьях переводчика» /В. В. Акуленко// Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика».- М., 1969.

3. Ахунзянов Э.М. Двоязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 189.
4. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика (Взаимодействие языков и билингвизм) Москва Изд. «Флинта» 2010 – С. 32
5. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев, 1979. – С. 44, 78-93
6. Верещагин, Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. – 1968. – №4. – С. 317.
7. Жлуктенко ЮА. Лингвистические аспекты двуязычия.– Киев: Изд-во при Киев, ун-те, 1974. – С. 61.
8. Комиссаров, В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB VerlagEnzyklopädie. – Leipzig, 1989. – С. 103-108.
9. Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958. – С. 40-53.
10. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом. – В кн.: Л.В.Щерба. Избранные труды по русскому языку. М., 1957
11. Venuti, L. Strategies of translation: / L. Venuti // Routledge encyclopedia of translation: studies/ ed. by Baker, M. – London: Taylor and Francis Books Ltd., 2001. – P. 242.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 197.

LANGUAGE INTERFERENCE IN THE POETIC TRANSLATION

L.V. Rachenkova

This article deals with the phenomenon of language interference in the poetic translation. The study is based on the material of German poetry. In this paper used the method of comparative analysis. Relevance of the work is determined to the lack of a sufficiently large block of theoretical and practical study of language interference in the poetic translation. The author deals the definitions of this phenomenon proposed by domestic and foreign researchers. Based on this information, the author understands by linguistic interference the transfer of characteristics of the original language to the target language and this can have a negative or positive effect on the translation.

Key words: *language interference, poetic translation, lexical interference, grammatical interference.*

Сведения об авторе:

РАЧЕНКОВА Любовь Васильевна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: 244101010@mail.ru

«СИМВОЛ ВЕРЫ» ПСИХОЛИНГВИСТА

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье представлено авторское понимание основных положений современной психолингвистики. Не претендуя на абсолютную истину, автор стремился в сжатой, содержательной и в то же время понятной форме выразить наиболее значимые идеи, отражающие трактовку языка как достояния человека, а не как абстрактной семиотической системы.

***Ключевые слова:** понятия психолингвистики, язык и сознание, методология психолингвистики.*

Да простит меня читатель за намеренный отказ от академического местоимения «мы», которое иногда маскирует желание снять с себя часть ответственности за высказываемые идеи, и использование в этой статье «я», которым мне хотелось бы подчеркнуть полную личную ответственность за возможные неверные или неудачные формулировки.

Как известно, символ веры – это краткое изложение основных истин христианства в форме исповедания веры. В заголовке статьи это понятие взято в кавычки потому, что оно в данном случае лишь наполовину соответствует такому определению. Я не претендую на выражение каких-либо окончательных истин, не считаю, что сформулированные ниже тезисы являются истиной, которую должны разделять другие. Это действительно своего рода исповедь тех основных мыслей, которые созрели во мне благодаря раздумьям над проводимыми экспериментальными исследованиями (особенно над их слабыми сторонами) и благодаря чтению и обдумыванию трудов классиков и современных моих коллег – учёных, занимающихся не только психологией и лингвистикой.

Символ веры создаётся для самоопределения и осмысления собственного опыта, это краткое и общее выражение личной веры, личного духовного опыта. Подчёркиваю: я не намерен говорить за других, выражаю своё видение наиболее общих положений психолингвистики, а слово «вера» употреблено не в значении слепого следования догмам, но в значении установки, решимости придерживаться общих положений, обоснованных многолетними экспериментальными и теоретическими исследованиями, для более глубокого понимания сущности языка как достояния человека: скорее «понимаю, чтобы верить», нежели «верю, чтобы понимать».

С одной стороны, я отдаю себе отчёт в том, что с более детальной проработкой психолингвистических проблем и с появлением сложных теоретико-методологических систем подобного краткого изложения основ будет недостаточно, и это будет свидетельством развития науки. С другой же стороны, меня не оставляет надежда на то, что мои, так сказать, экуменические намерения отразятся хоть в некоторой степени и на моих коллегах через предложенный ниже текст. Не могу не выразить ещё одно замечание: мне представляется, что экуменизм как никогда раньше и как нельзя больше необходим сегодня науке (или наукам?) о языке и человеке, им пользующимся, поскольку многие её направления идут близкими, порой пересекающимися, путями, не всегда замечая друг друга.

Хочется также предупредить читателя, что нижеследующие тезисы «страдают» некоторым уклоном в сторону интересующих лично меня вопросов. Каждое положение нуждается в «расшифровке», пояснении и комментировании. Для такой «расшифровки» необходим хотя бы минимальный уровень знаний по языкознанию и философии, по психологической теории деятельности и культурно-исторической психологии, знакомство с такими понятиями, как «превращённая форма», «идеальное» и некоторыми другими.

Может показаться, что чувственность, телесность недостаточно представлена в тезисах, но это только в явном виде (что нормально, ведь она изучается психолингвистикой лишь постольку поскольку); неявно она мелькает то там, то тут, например, когда я говорю «человек», то понимаю его по С.Л. Рубинштейну – как существо деятельное и чувственное. Понятие «человек» для меня шире понятия «личность», причём человек, вплетённый во взаимодействия с другими людьми и с миром: «Обычное представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе – фикция. Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения – человек и бытие, человек и другой человек (другие люди)» [Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012: 5]. И далее: «...Чувственность непосредственно вплетена во взаимодействие человека с окружающим миром. Исходно отношение не мысли к её объекту, а действия человека и объекта, изначален этот контакт двух реальностей» [цит. раб.: 6]. Следовательно, для меня реально, первично отношение языка и человека как существа страстного, чувственного и действующего (правильнее сказать даже: отношения человека с миром посредством языка), а не отношение языка и сознания или языка и личности, которое есть результат научной абстракции одной из сторон первого, реального, отношения.

Отсутствие конкретных имён обусловлено желанием избежать «перекладывания ответственности» на цитируемого / упоминаемого автора. Представленные тезисы есть моя собственная интерпретация положений современной психолингвистики, за кем бы ни значилось их авторство; если какой-то из тезисов неверен или сформулирован некорректно, ответственность за это лежит полностью на мне. Я не претендую на авторство высказываемых идей, даже не на все формулировки, претендую лишь на то, что это – символ *моей* психолингвистической «веры».

- Язык есть явление нейрофизиологическое, психическое, социальное и семиотическое. Связи между ними неравнозначны по качеству и степени и неодинаковы во времени.

- Язык есть явление условно статичное.

- Язык как явление психическое (духовное) есть явление деятельностное и личностное.

- Язык как явление семиотическое есть явление научностное.

- Нет языка, речи, мышления, сознания как отдельных сущностей; сущ континуум (тетраэдр) языка-речи-мышления-сознания.

- Психолингвистика выявляет, обобщает и фиксирует в понятиях и закономерностях сущностные свойства языка как явления психического, характер его движения и его связи с другими тремя аспектами.

- Язык как явление психическое состоит не из традиционно понимаемых слов (не из вещей), а из связей (процессов) значений и смыслов слов (слово – в широком понимании) с их формальными «оболочками» и образами предметов и ситуаций, обобщённых и фиксированных этими словами. Иначе: из динамических связей значений и смыслов с формальными «оболочками» и «частями» знаний.

- Язык и речь не противопоставлены друг другу, речь есть одна из форм, хотя и крайне специфическая, существования языка. Специфика её состоит в том, что она есть активное, предметное, мотивированное и целенаправленное использование языка человеком в речевой деятельности.

- В таком соотношении язык и речь могут рассматриваться в нейрофизиологическом, психическом, социальном и семиотическом контексте.

- Речь есть усвоение, переработка, использование и обогащение общественно-исторического и культурного опыта человека (общение), осуществляемое средствами языка как явления психического в сопровождении и с учётом средств невербальных.

- Речевая деятельность необходимо входит в систему деятельностей человека.

- Речевая деятельность есть деятельность, направленная на достижение целей взаимодействия людей, осуществляемая посредством формирования и формулирования мыслей в устной или письменной форме.

- Речевая деятельность есть процесс перехода внутреннего во внешнее и изменения внутреннего этим внешним.

- Речевая деятельность есть система речевых действий и поступков по целенаправленному изменению ситуаций (точнее – образов ситуаций) взаимодействия индивидов в обществе через частичное и опосредованное словом изменение образа мира – своего и других.

- Речевое действие есть единица речевой деятельности, в которой преобладает значение слова или комплекса слов (высказывания).

- Речевой поступок есть единица речевой деятельности, в которой преобладает личностный смысл слова или комплекса слов (высказывания).

- Восприятие речи есть мотивированное и целенаправленное изменение образа мира через ассоциирование комплекса образов сознания с воспринимаемым комплексом графических или акустических элементов.

- Порождение речи есть мотивированное и целенаправленное изменение образа мира через ассоциирование комплекса образов сознания с порождаемым комплексом графических или акустических элементов.

- Порождение и восприятие речи сопровождаются комплексом разнородных невербальных элементов и неоднозначно связаны с ними.

- Слово есть непрерывно перерабатываемая целокупность связей между «высвечиваемым» в образе мира полем (образом предмета, явления, ситуации, связи между ними), слитыми значением и смыслом и акустическим или визуальным рядом.

- Слово (если оно слово) содержит в себе в свёрнутом виде связи с другими словами, объединяющие их в гнёзда и ряды. Гнёзда есть система связей слов по сходству или контрасту в этих четырёх аспектах (образ, значение, смысл, форма), ряды есть взаимосвязанные средние итоги опыта соединения слов во времени и пространстве для выражения комплексов образов, значений, смыслов, переживаний (в целом — мыслей и чувств).

- Объединения слов в гнёзда и ряды взаимообусловлены, условно статичны, неравнозначны по качеству и степени и неодинаковы во времени. Гнёзда и ряды за счёт своего обобщающего характера дают возможность для порождения не сумм смыслов, а новых смыслов.

- Изменение (движение) одного слова обуславливает (не всегда напрямую и в том же направлении) изменение других связанных с ним слов (не обязательно всех).

- Только принимая эти положения, можно говорить, что язык как явление психическое состоит из слов.

- Значение слова есть структура знаковой операции.

- Значение слова есть форма предмета в форме (способе осуществления) деятельности со словом.

- Значение слова есть форма (способ осуществления) деятельности со словом в форме предмета – акустической или визуальной «оболочки» слова. Именно в форме и именно предмета, а не в «материи» «вещи».

- Значение слова есть также образ желаемой ситуации в способе изменения наличной ситуации с помощью этого слова.

- Значение слова ведёт двойную жизнь, являясь и продуктом (идеальной превращённой формой) общественных отношений людей, и частью индивидуального сознания отдельной личности. Без движения обеих этих сфер своего бытия значение не живёт.

- Личностный смысл слова есть переживание этого слова человеком как важного (именно это слово важно, а не какое-то другое!) не только здесь и сейчас, но и для всей жизни человека или значительной её части.

- Личностный смысл есть регулярно проявляющаяся в слове его связь с потребностями, мотивами, эмоциями человека.

- Значение может относиться только к одному слову, смысл же всегда «распределён» неравномерно по нескольким (многим) словам.

- Значение и смысл слова регулируют речевую деятельность одновременно и по-разному: первое регулирует формирование и формулирование переживаемых как важных для других участников взаимодействия мыслей и чувств через слово, которое переживается как важное для других участников взаимодействия, смысл — важных для меня мыслей и чувств через слово (возможно, то же самое), которое переживается как важное для меня самого.

- Значение и смысл слова, используемого в речи, изменяют язык как явление психическое одновременно и по-разному: первое изменяет образ ситуации и средний итог опробованных ранее способов взаимодействия людей, осуществляемого этим словом (но не обязательно только им) в схожих ситуациях, второй изменяет переживание этих ситуации и способа самим говорящим (пишущим, читающим, слушающим).

- Значение и смысл слова, используемого в речи, изменяются одновременно и по-разному: первое изменяется «пропорционально» «отношению» образа ситуации наличной к образу ситуации изменённой через его преломление в образе ситуации желаемой, второй – «пропорционально» переживанию этих трёх образов (их «пропорции») как важных не только здесь и сейчас, но и для всей жизни человека или значительной её части.

- Язык и мышление не связаны ни как объект и субъект, ни как орудие и деятель, ни как часть и целое, ни как вариант и инвариант.

- Связь языка и мышления неравнозначна в разных ситуациях и непостоянна во времени (особенно в онтогенезе).

- Язык есть одна из форм осуществления мышления и фиксации знания, не будучи полной и единственно возможной реализацией мышления и фиксацией знания.

- Двуязычие есть сосуществование двух языков как явлений психических. Связи между ними могут быть неравнозначны по качеству и степени и неодинаковы во времени.

- Искусственное двуязычие начинается с того, что образ, значение, смысл получают связь с другой словесной формой.

- Естественное двуязычие начинается с того, что переживаемый как новый образ ситуации, предмета или явления, требующий формирования нового значения, получает связь с новой словесной формой. Иначе: когда образ новой ситуации посредством новой формы слова становится образом изменённой ситуации, фиксируя тем самым новые значение и смысл.

- Искусственное и естественное двуязычия переходят от смешанного к полному тогда, когда двум словесным формам соответствуют свои значение, личностный смысл и «высвечиваемый» в образе мира образ предмета, явления или ситуации (хотя образы могут и совпадать).

- Понятия психолингвистики отражают явления обобщённо и превращённо.

- «Коллективное (групповое) двуязычие» абстрагируется от всех индивидуальных черт двуязычия и отражает общие характеристики и закономерности движения двуязычий группы людей, выбираемой либо произвольно, либо в соответствии с целями исследования.

- «Ментальный лексикон», будучи научным понятием, не равен языку как явлению психическому; первый условно статичен и не связан с конкретным человеком.

- Ментальный лексикон есть открытая многоуровневая самоорганизующаяся система обобщённо представленных функциональных опор и ориентиров (слов и связей между ними), используемых человеком для «высвечивания» в образе мира некоторых предметов, явлений, ситуаций, чтобы жить и действовать в мире.

- «Языковая компетенция» есть психолингвистическое понятие, обобщённо отражающее грамматику как явление психическое, т.е. система средних итогов употребления системы слов. Языковая компетенция в свёрнутом виде содержится в ментальном лексиконе, в связях слов друг с другом как фактор их систематизации.

- «Языковое сознание», будучи научным понятием, не может быть понято ни как часть индивидуального сознания, ни как часть языка как явления психического (тем более любого другого).

- Языковое сознание есть психолингвистическое понятие, отражающее общие черты в движении языка как явления психического группы людей и их отношения к внешним причинам и внутренним факторам этого движения. Группа может быть от нескольких индивидов до лингвокультуры в целом.

«CREED» OF A PSYCHOLINGUIST

Andrey A. Yakovlev,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper contains the author's treatments of general ideas of moderns psycholinguistics. Without pretending to express the absolute truth the author seeks, in a condensed, meaningful and clear form, to convey the most significant ideas concerning the treatment of language as property of man, but not abstract semiotic system.

Keywords: psycholinguistics terms, language and mind, methodology of psycholinguistics.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

Научное издание

СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сборник научных трудов

Выпуск 16

Отпечатано с оригинала авторов

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 500. Заказ № 540.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.